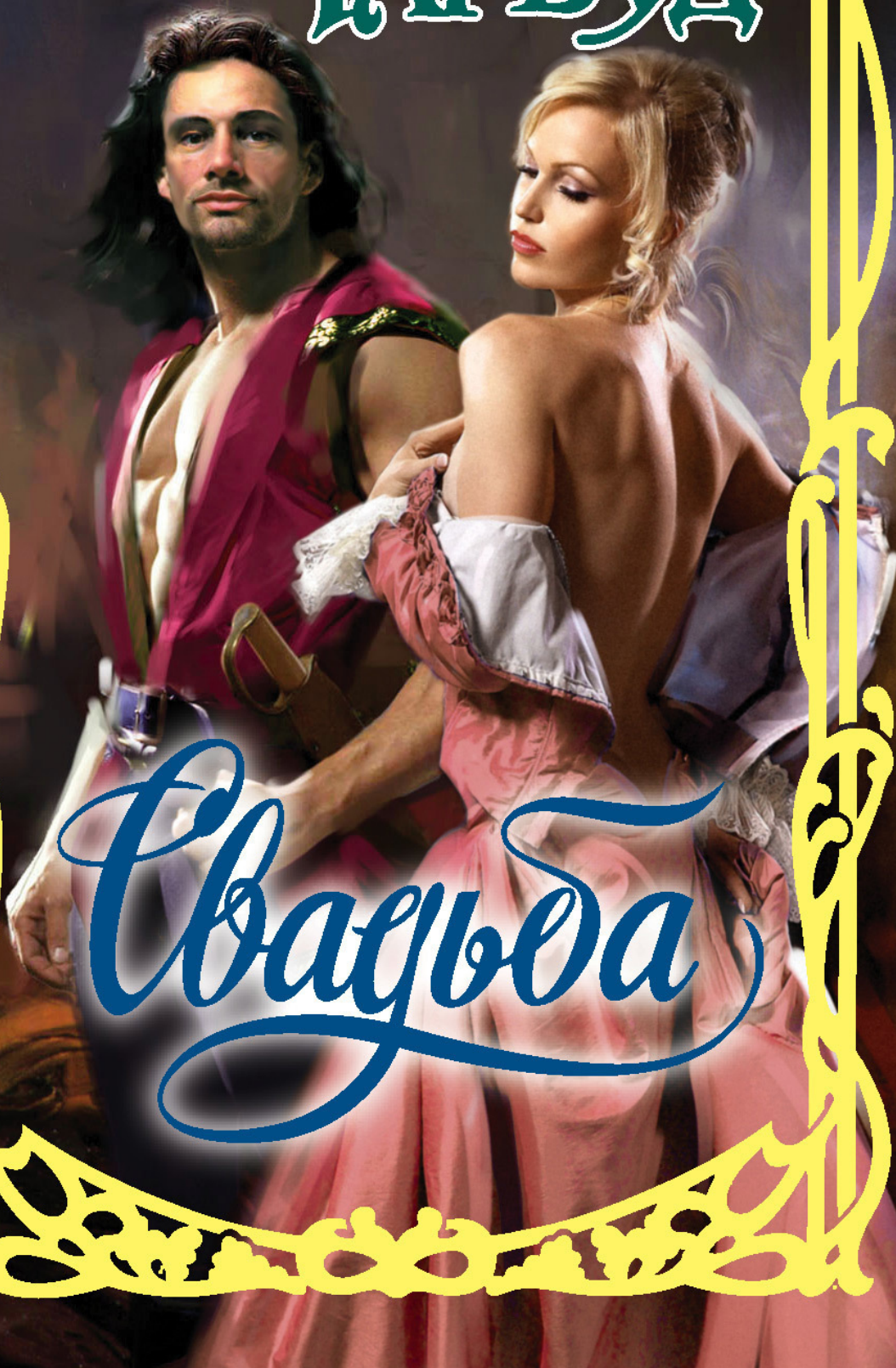

очарование

Джулия Гарвуд

Свадьба

Шербруки

Джулия Гарвуд

Свадьба

«Издательство АСТ»

1996

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Гарвуд Д.

Свадьба / Д. Гарвуд — «Издательство АСТ»,
1996 — (Шербруки)

ISBN 978-5-17-119328-7

Закон шотландских горцев прост: лучший способ отомстить заклятому врагу — это похитить его невесту и жениться на ней самому. Жаль, что юная английская аристократка леди Бренна не знала об этом до того, как ее, похищенную на пути к нареченному, прямо на лесной поляне обвенчали с похитителем... Пусть Бренна никогда не видела человека, которому предназначалась в жены. И пусть ее новоиспеченный супруг Коннор Макаллистер — лихой красавец, способный заставить затрепетать любое женское сердце. Но как объяснить этому мужественному дикарю-горцу, что супружеское счастье — это нечто большее, чем рождение сыновей, которым предстоит продолжить гордый род Макаллистеров?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-119328-7

© Гарвуд Д., 1996

© Издательство АСТ, 1996

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	43
Глава 5	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Джулия Гарвуд

Свадьба

Пролог

Горная Шотландия, 1103 год

Дональд Макалистер умирал тяжело, из последних сил цепляясь за жизнь со свойственным ему упрямством, хотя только смерть способна была избавить его от ужасных, мучительных страданий. Но пока он не мог позволить себе уступить ей: он должен был успеть сделать самое главное, что еще оставалось в этой жизни, – огласить свое завещание и лишь потом закрыть глаза навсегда.

Его завещанием была ненависть. Старый лэрд пылал от ненависти к врагу. И прежде чем умереть, ему необходимо было увидеть тот же огонь в глазах сына. Прочесть в них жажду мести. Сын должен восстановить справедливость и наказать врага. Именно поэтому он, собрав последние силы, продолжал бороться со смертью.

Большой шершавой рукой отец вцепился в маленькую, хрупкую руку сына и, желая увериться, что он выполнит святой долг, впился черными глазами в глаза своего единственного наследника.

– Отомсти за меня, Коннор Макалистер! Впусти в свое сердце мою ненависть! Храни ее, возвращай, а когда станешь большим и сильным, возьми мой меч и уничтожь врагов! Я не смогу спокойно отойти в мир иной, пока ты не дашь обещание отомстить за зло, причиненное мне, моим родным и близким. Обещай, мой мальчик!

– Да, отец! – горячо воскликнул Коннор. – Я отомщу за тебя.

– Ты ощущаешь жажду мести?

– Да, отец!

Дональд удовлетворенно кивнул и успокоился. Конечно, если бы он мог продержаться подольше, он успел бы дать мальчику отцовские наставления на будущее. Но даже если следующий его вздох станет последним, он больше не сомневался – сын найдет способ выполнить обещанное. Коннор очень смысленный мальчик, отец полностью доверял ему.

Жаль, конечно, что ему, Дональду Макалистеру, не доведется увидеть, как сын превращается в мужчину. Но со сломанной ногой и здоровенной дыркой в животе об этом даже глупо мечтать.

Все же Господь милосерден к нему – боль в последние минуты отпустила, он ничего не чувствовал. Ноги уже онемели от ступней до колен.

– Отец, скажи, кто это сделал?

– На нас напали Каерны. Они пришли с севера и слишком издалека, чтобы всерьез покушаться на наши земли. Но они состоят в родстве с Макнейром, и я подозреваю, что здесь без него не обошлось. Макнейр жаден и завистлив, ему всегда всего мало. Лучше убей его, прежде чем он успеет причинить тебе зло или в своей ненасытной алчности к чужим землям приблизится к порогу твоего дома. Однако не торопись, – предупредил отец, – ни у Каернов, ни у Макнейра не достало бы ума замыслить столь откровенное злодеяние. Должно быть, они действуют по чьей-то указке. Не знаю, кто предатель, ты сам должен будешь отыскать его, но я чувствую, что он среди нас.

– Ты хочешь сказать, тебя предал кто-то из наших? – ошеломленно спросил Коннор.

– Со вчерашнего дня, с самого момента нападения, я думаю, что так оно и есть. Каерны пробрались тропами, известными только моим людям. Никогда бы им самим не найти этого пути. Да, среди нас есть предатель. Твой долг – выкурить его из норы. Он один из нас, Коннор.

Я убежден. Если есть на свете Бог, сейчас предатель тоже захлебывается в предсмертном хрипе на поле боя. Дождись подходящего момента, узнай имена наших врагов. И тогда нанеси удар всем оставшимся в живых. Не забудь уничтожить и сыновей их, мой мальчик.

– Я сделаю это, отец. Я уничтожу их.

Дональд еще крепче сжал руку сына:

– И запомни мой последний наказ. Я скоро умру. Учись, как подобает воину расставаться с жизнью. А потом отправляйся на лесную тропу. Там тебя ждет Ангус, он укажет, что делать.

Мальчик кивнул, и лэрд продолжил:

– Посмотри вокруг и расскажи мне, что ты видишь. Я не могу подняться. Все разрушено?

Коннор огляделся. Сердце его готово было разорваться от боли. От запаха дыма и свежей крови к горлу подступила тошнота.

– Все в руинах, отец. Но я снова построю крепость.

– Обязательно! Но теперь ты должен сделать ее неприступной. Учись на моих ошибках, Коннор.

– Я сделаю ее непобедимой.

– Что с моими верными людьми?

– Почти все погибли.

Лэрд услышал отчаяние в голосе мальчика и попытался подбодрить его:

– Их заменят сыновья. Они оденутся в твои цвета и прославят твоё имя. Они пойдут за тобой, так же как их отцы когда-то – за мной. А теперь тебе пора уходить, мой мальчик. Закутайся поплотнее, перевяжи рану. Не поднимайся, пока не остановишь кровь, иначе ты ее много потеряешь. Поторопись, а я пока передохну.

Коннор подчинился отцовскому приказу, хотя не считал свою рану серьезной. На нем было больше отцовской крови, чем собственной.

– У тебя останется шрам – напоминание о сегодняшнем черном дне, – предупредил Дональд.

– Мне не нужно напоминание. Я никогда не забуду этот день.

– Да, ты никогда его не забудешь. Тебе больно?

– Нет.

Дональд одобрительно хмыкнул. Мальчик никогда не жаловался. Стойкость сына особенно нравилась отцу. Из него вырастет сильный воин.

– Сколько тебе лет, сын?

– Сейчас уже девять или даже десять, – ответил Коннор.

– На вид ты ребенок, но у тебя глаза взрослого мужчины. В них пылает яркий огонь ненависти. Я доволен.

– Я мог бы взять тебя с собой.

– Нет, ты не потащишь мертвеца.

– Раны болят, отец?

– Откровенно говоря, сейчас я уже ничего не чувствую. Тело немеет. Мне хорошо. Многие мужчины могли бы позавидовать такой смерти.

– Я останусь с тобой, если ты...

– Нет, ты уйдешь, когда я прикажу. Тебе надо выжить, чтобы выполнить обещанное. Враги ушли, но не обольщайся – они захотят довести дело до конца. Они придут снова.

– Но у нас есть время, отец. Солнце высоко, а враги укатили твои бочки с вином и не вернутся до утра.

– Ну, тогда еще немного побудь со мной, – разрешил отец.

– Отец, Ангус отошлет меня к Юфимии? Рассказать, что случилось?

– Нет. Ничего не говори этой женщине.

– Но она твоя жена.

– Моя вторая жена, – поправил он. – Вообще никогда не доверяй женщине, Коннор. Это большой риск. Юфимия сама обо всем узнает, когда вернется со своим сыном Раеном. Тебя здесь уже не должно быть. Я не хочу, чтобы тебя воспитывали ее родственники – все они кровопийцы.

Коннор кивнул и, помолчав, спросил:

– А моей матери ты доверял?

Дональд уловил беспокойство в голосе сына. Он понимал, что лучше оставить мальчику добрую память о матери. Пускай знает правду. И, не стараясь смягчить свои слова, искренне ответил:

– Нет, я ей не доверял и в результате сам же страдал от этого. Я любил твою мать, она для меня была единственной, моя драгоценная красавица Изабель. И чем же она отплатила мне за мою любовь? Она умерла! Умерла такой молодой, оставив меня в одиночестве и отчаянии. Она разбила мне сердце. Учись, сын, на примере отцовского безрассудства: не позволяй никому завладеть твоим сердцем и причинить ему боль. Я бы никогда не женился второй раз. Но я практичный человек, мне были нужны наследники – вдруг с тобой что-то случится? И снова я ошибся: у Юфимии был сын от предыдущего брака, а больше она не смогла родить, хотя очень старалась. – Дональд помолчал, собираясь с мыслями, потом продолжил: – Я не сумел полюбить Юфимию или другую женщину. Да и как я мог любить кого-нибудь после моей единственной Изабель? Конечно, нельзя было так пренебрежительно относиться к твоей мачехе, она в этом не виновата. Исправь мою ошибку, постарайся держаться с Юфимией достойно, не отворачивайся от ее изнеженного сынка. Но доверяй одному себе.

– Я запомню, отец. А куда отправит меня Ангус? Скажи, – настойчиво просил мальчик. Он специально тянул время, желая подольше побыть с отцом. – Пока я добегу до леса, Ангуса могут убить.

– Об этом не беспокойся. Думаешь, я только ему дал указания насчет тебя? Другие тоже знают, что делать.

– Тогда разреши услышать приказ от моего лэрда.

Дональд смягчился:

– Я доверяю одному-единственному человеку на свете. Ты пойдешь к нему и все расскажешь.

– Все, что я узнал от тебя?

– Да.

– И я могу доверять ему?

– Да. Первым делом ты добьешься его покровительства, а уж затем пусть он воспитает тебя как подобает. Ты дашь обет стать его братом и будешь им до своего последнего часа. Он не подведет. А теперь отправляйся. Иди к Алеку Кинкейду.

Этот приказ потряс Коннора.

– Отец! Но ведь он твой заклятый враг! Неужели ты хочешь послать меня к нему?

– Да, именно к нему, – твердо ответил отец. – Во всей Горной Шотландии нет лэрда сильнее. Алек – надежный, честный человек. Тебе нужен именно такой наставник.

Коннор, пытаясь осмыслить отцовский приказ, не смог удержаться от вопроса:

– Отец, ведь ты всегда воевал с ним?

Дональд, к удивлению сына, улыбнулся.

– Да, верно, воевал. Но сердце мое не ожесточилось против Кинкейда. Он это знает. Не стану скрывать, я досаждал соседу, – усмехнулся отец, – могу с гордостью сказать – для него я был чем-то вроде репья на собачьем хвосте. Наши земли граничат на востоке, и, знаешь ли, хотелось чуток оттяпать чужой землицы. Но он не разрешал. Сосед прекрасно понимал меня, иначе ни одного из нас уже давно не было бы на свете.

– Он очень сильный?

– Да. Обязательно покажи ему мой меч. Кровь с клинка не стирай – пускай Кинкейд посмотрит.

– Отец, но никто из Макалистеров не пойдет за мной к врагу.

– Ты выполнишь мой приказ, – отрезал отец. – Ты обязан подчиниться. Пообещай уйти к Кинкейду.

– Хорошо, отец.

Дональд кивнул:

– Настал срок попрощаться, сын мой. Мы и так потеряли много времени. Я оттягивал смерть, но больше не могу. Вот она, уже пришла за мной... Стоит рядом... Я засыпаю...

Коннор попытался вынуть руку из отцовской, но страх сковал его.

– Я буду тосковать по тебе, – прошептал мальчик.

– А я по тебе.

– Я люблю тебя, отец.

– Воины не произносят это вслух. Но признаюсь, сынок, я тоже люблю тебя. Хотя и не пристало говорить подобное.

Дональд стиснул хрупкие пальцы мальчика, смягчая упрек, и наконец закрыл глаза.

Дональд Макалистер готов был отдаться смерти – он увидел загоревшийся в глазах Коннора огонь и теперь твердо знал, что сын отомстит за отца. Чего еще мог он желать?

Через несколько минут большой, сильный, смелый воин отошел в мир иной, не выпуская руки сына из своей. Он умер, как и жил, – с честью и достоинством, ни в чем не отступив от своих правил.

Погрузившись в отчаяние, Коннор в оцепенении застыл возле отца, забыв о времени, и очнулся, только когда услышал за спиной шепот. Мальчик повернулся и увидел молодого солдата, с трудом пытавшегося сесть. Коннор не помнил его имени, а с такого расстояния не мог определить, серьезно ли тот ранен. Он знаком велел солдату оставаться на месте и снова повернулся к отцу. Коннор взял меч с его груди, склонил голову, помолился за упокой души Дональда Макалистера и только потом отполз от него, прижимая к сердцу драгоценный меч. Ползти пришлось по еще горячим, дымящимся углям, обжигая руки, натываясь на окровавленные трупы друзей, которых Коннор едва мог различать сквозь застилавшие глаза слезы.

Наконец он добрался до воина, окликнувшего его. Это был совсем еще мальчик, года на два-три старше самого Коннора.

К счастью, он вспомнил его имя.

– Криспин, я думал, ты погиб. Ну-ка перевернись на спину, я посмотрю твои раны. Не то умрешь.

– Нельзя терять времени! Они напали на нас, чтобы убить вас с отцом, Коннор. Вот зачем. Я слышал, как хвастался один из этих вырожденцев. Уходи, пока они не вернулись. А то поймут, что ты еще живой.

– Враги сейчас отдыхают. Они не явятся, пока не допьют вино. Давай делай, что я сказал.

Криспин, морщась от боли, медленно перевернулся:

– Твой отец умер?

– Да, – ответил Коннор. – Но он успел научить меня, что делать. И отошел успокоенный.

Криспин заплакал:

– Мой лэрд погиб!..

– Нет, Криспин, твой лэрд сейчас стоит перед тобой на коленях.

Коннор не позволил ему спорить или смеяться над собой. А чтобы Криспин не счел его хвастуном, он, перевязывая его, объяснил мальчику, как и чем тот может помочь ему отомстить врагам за их зверства. Распоряжения, следовавшие одно за другим, он отдавал столь твердо и решительно, что, когда перевязка была закончена, молодой солдат обрел нечто большее, чем облегчение от боли, – надежду.

С огромным трудом Коннор перетащил Криспина в безопасное место. Он спрятал его в лесу, укрыв толстыми ветками. А потом вынес с поля брани еще двоих. Один из них был Ангус, преданный солдат отца, которому Дональд доверил послание для сына, другой – ровесник Коннора по имени Куинлен. За неделю до битвы он поступил на обучение к лэрду. Раны мальчика оказались очень серьезными, он страшно мучился от боли и умолял об одном – оставить его в покое.

Коннор держался стойко и остался глух к его мольбам.

– Теперь не ты, а я буду решать, когда тебе умереть, Куинлен.

Мальчик перестал сопротивляться и даже пытался помочь.

Коннору хотелось вынести всех раненых, но, судя по всему, враги решили вернуться до темноты – у подножия холма уже показались силуэты всадников. Дольше оставаться здесь было нельзя, Коннор рисковал быть замеченным. Впрочем, у него еще оставалось немного времени, чтобы уничтожить следы, оставшиеся на земле, когда он перетаскивал раненых.

Убедившись, что все трое надежно спрятаны, Коннор пообещал прислать помощь, а до тех пор всем приказал затаиться в укрытии.

Наконец он был готов выполнить наказ отца. Верный конь без остановки мчал его половину пути до земли Кинкейда, однако у подножия крутых уступов его пришлось оставить. Мальчик спешил и стал карабкаться по камням, сокращая путь.

Снова выбравшись на равнину, Коннор пустился бежать, собрав все свои силы. А когда ноги его ослабели и почти перестали слушаться, он перешел на шаг, опираясь на меч и ножны отца, чтобы восстановить силы. Мальчик был еще не слишком крепок, но в нем уже проснулась решительность взрослого мужчины. Он не мог подвести отца.

Коннор ничего не чувствовал – ни холода, ни голода, ни боли утраты. Он сосредоточился на одной цели: добраться до Алека Кинкейда. Заверить его в своей преданности – вот первый шаг, который ему предстояло сделать. И не было силы, способной остановить Коннора на полпути.

Он потерял счет времени, а между тем быстро темнело. Сотни оранжевых полос расцвели небо – солнце собиралось спрятаться за пиками гор. Пройдет еще несколько минут – и яркие лучи растворятся в настигающей их темноте. Отчаяние мальчика нарастало с каждым шагом. Надо успеть до ночи, иначе ему не найти дорогу к Кинкейду. Он может заблудиться или, что еще хуже, сделать круг и вернуться туда, откуда пришел.

Коннор не выдержал и снова побежал. Ему казалось, что он уже почти достиг границы между землями отца и Кинкейда, но все же он не был в этом уверен. Внезапно рядом раздался резкий окрик:

– Стой!

К нему бежали солдаты, и Коннор в смятении подумал, что враги настигли его и теперь он будет убит, так и не успев выполнить клятву, данную отцу. Но он не мог остановиться, а, спотыкаясь, продолжал идти, пока силы окончательно не покинули его.

Боже, неужели он подвел отца! Еще не начав выполнять его волю, он уже терпит поражение. Кинкейд – только первый шаг на длинном пути к будущему, но у него не хватило сил даже добраться до этого человека.

– Парень, ты можешь говорить? Можешь сказать, что случилось? Ты весь в крови.

Солдаты, окружившие его, были одеты в цвета Кинкейда. Когда Коннор осознал это, ноги его подкосились, и он упал на колени. Ему хотелось закрыть глаза хотя бы на миг, но он не посмел. Нет, пока рано. Он не разрешит себе спать, пока не поговорит с Кинкейдом. Он должен рассказать ему все... Он должен довериться ему... Он должен...

Коннор тряхнул головой, пытаясь прояснить мысли, потом набрал полную грудь воздуха, вскинул голову и прокричал:

– Отведите меня к брату!

– А кто твой брат, парень? – спросил один из дозорных.

– По велению моего отца с этого дня моим братом является Алек Кинкейд! Он не откажется от меня.

Теперь можно закрыть глаза. Первое требование отца он выполнил. Остальное – при встрече с Кинкейдом. Он скажет ему, где спрятаны раненые воины, прикажет забрать их... Он о многом поведаст брату.

Последняя мысль, перед тем как Коннор потерял сознание, принесла облегчение. Отец будет отомщен.

Так все начиналось.

Глава 1

Англия, 1108 год

Это не была любовь с первого взгляда.

Леди Бренна вовсе не хотела знакомиться с гостями. У нее сегодня были дела поважнее. Няня, богобоязненная женщина с угрюмым лицом, с тесными, налезавшими друг на друга зубами, торчащими вперед, даже не хотела ее слушать. С мрачной решимостью она загнала Бренну в дальний угол конюшни и накинулась на нее. Она схватила девочку так крепко, что у той не осталось ни малейшей возможности ускользнуть от нее, и потащила за собой через грязный двор, всю дорогу ругаясь.

– Перестань извиваться, Бренна. Я все равно сильнее и не отпущу тебя. Ты снова потеряла туфли? И не смей лгать! Я вижу, у тебя из-под юбки торчат чулки... И чего ради ты тянешь за собой уздечку?

Бренна пожала плечами:

– Я забыла положить ее на место.

– Немедленно брось! Вечно ты все забываешь. И знаешь почему?

– Я про все забываю, когда ты гудишь мне в ухо, Элспет.

– Конечно, ты никогда не слушаешь, что я тебе говорю. От тебя больше неприятностей, чем от всех остальных, вместе взятых. С твоими старшими братьями и сестрами у меня никогда не было никаких хлопот. Даже малышка Фэйт знает, как себя вести. А она ведь совсем дитя. Она еще палец сосет и мочится под себя. Предупреждаю, Бренна, если ты не изменишь свое поведение и не дашь хоть немного покоя родителям, Богу придется оставить все свои важные дела, спуститься с неба и как следует поговорить с тобой. И что тогда? Едва ли тебе понравится, когда твой папа посадит тебя к себе на колени и сам займется твоим ужасным поведением. Поняла?

– Да, Элспет, я все поняла. Попробую вести себя как следует. Ну правда...

Она с любопытством подняла голову, желая взглянуть, верит ли нянька в ее раскаяние. Разумеется, та не верила. Да и Бренна вовсе не считала, что совершила что-то ужасное. Но Элспет ни за что не догадается о ее мыслях.

– Перестань тарашить на меня глаза, юная леди. Ни капли тебе не верю... О господи, чем это от тебя воняет? Куда ты только вляпалась?

Бренна молча опустила голову.

Час назад она гонялась за поросятами, и тот особенный запах, который от нее исходил, сама Бренна расценивала как скромную плату за полученное удовольствие.

Но мучения только начались. Ее купали всего неделю назад, но теперь мытье, конечно же, пришлось повторить. Прямо среди бела дня, чего никогда раньше не было. Ее скребли с головы до ног, а она вопила без умолку. Впрочем, Элспет не выражала ни малейшего сочувствия, и Бренне пришлось уняться. Она только яростно отталкивала няньку, когда та надевала на нее голубое платье и немилосердно жавшие, но очень подходившие к нему по цвету туфельки. Щеки девочки покраснелись, светлые, всегда растрепанные волосы теперь были тщательно расчесаны и уложены локонами. Потом ее потащили в зал. Мать хотела убедиться, что дочь прилично выглядит. Только после этого ее оставили в покое.

Самая старшая из сестер, Матильда, уже сидела за столом рядом с матерью. Вместе с поварихой они обсуждали предстоящий ужин.

– Я не хочу встречаться с гостями, мама. Это так скучно, и я так устаю от этого.

Элспет подошла к Бренне и толкнула ее в плечо:

– Замолчи! Нельзя жаловаться. Бог не любит нытиков.

– А папа все время жалуется. И Господь его все равно любит! – возразила Бренна. – Потому папа такой большой. А больше него только сам Бог.

– Где ты наслушалась такой чепухи?

– Папа так говорит. А сейчас я хочу пойти во двор. Я не буду бегать за поросятами, я обещаю...

– Ты останешься здесь, у меня на глазах! Ты сегодня должна вести себя, как подобает воспитанной девочке. А если не будешь слушаться, ты знаешь, что случится, правда?

Бренна опустила голову и уставилась в пол.

– Ага. Тогда я попаду туда, в самый низ...

Она покорно повторила угрозу, слышанную от няньки уже не раз.

Малышка понятия не имела, что находится там, «в самом низу», которым ее пугают. Она знала одно – там ужасно и ей туда не хочется. Элспет говорила, что, если Бренна не исправится, она никогда не попадет на небеса. А все нормальные люди хотят попасть только туда.

Где небеса, Бренна знала точно. Отец ей показал. Они прямо на небе, только с обратной стороны.

Девочка понимала – конечно, надо хотеть туда, куда все. Куда собираются попасть и папа, и мама, и братья, и сестры, и даже Элспет, но на самом деле ей это было безразлично. Ее волновало только одно – чтобы ее нигде больше не забыли. До сих пор ей снятся кошмары после того, что мама называет «несчастный случай».

Ужасные воспоминания все еще прятались в самой глубине ее сознания, там, где прячутся страхи. Они ждали наступления темноты, чтобы выпрыгнуть оттуда и напугать Бренну. От ее криков по ночам просыпалась сестренка, и, пока Элспет успокаивала малышку Фэйт, Бренна тащила свое одеяло в родительскую спальню. Когда отца не было дома – он выполнял важные поручения короля, доверявшего лишь самым достойным и верным людям, – она забиралась на широкую постель и прижималась к матери. А если отец ночевал дома, Бренна укладывалась прямо на холодном полу рядом с красивым мечом с серебряной рукоятью, который, как говорила мама, отец любит почти так же сильно, как детей.

Бренна ничего не боялась, когда слышала громкий отцовский храп – он убаюкивал ее, и девочка спокойно засыпала. Никакие демоны не пытались прокрасться через окно, кошмарные сновидения переставали мучить и все ночные ужасы отступали прочь, когда она была рядом с родителями.

– Мама, вели, пожалуйста, Бренне не открывать рот при гостях, – попросила Матильда. – Она слишком громко кричит, и главное – нарочно. Когда она расстанется с этой отвратительной привычкой?

– Скоро, дорогая, скоро, – рассеянно пообещала мать.

Бренна подошла к сестре. Матильда всегда любила командовать, но сейчас, когда братья разъехались учиться, чтобы стать такими же нужными королю людьми, как отец, она совсем осмелела. Матильда сделалась такой же приставучей, как Элспет.

– Ну, ты как чирей на заднице, Мэтти.

Мать услышала:

– Бренна, не говори таких слов. Поняла?

– Да, мама, но папа всегда так говорит. Это правда больно.

Мать устало закрыла глаза:

– Перестань надо мной издеваться, детка.

Бренна опустила плечи, пытаясь изобразить, как она несчастна.

– Мама, ну почему, почему никто меня не любит? Все ругаются, все сердятся на меня...

У матери не было настроения успокаивать дочь. Она только махнула рукой и сказала:

– Иди и сядь вон у той стены, Бренна. И больше ни слова, пока тебя не попросят. Немедленно отправляйся.

Шаркая ногами, девочка побрела через зал.

– Мама, не заставляй ее сидеть там слишком долго. Ты же знаешь, как все эти несчастные случаи испортили ее характер. Папа говорит, нужно время, чтобы она пришла в себя.

Мэтти защищала ее! Бренна удивилась. В обязанности сестры входило следить за ней, когда братьев не было дома. Но ее не на шутку рассердило то, что Мэтти заговорила о запретном. Знает ведь, как она ненавидит вспоминать о том, что с ней случилось.

– Да, дорогая, – ответила мать. – Время и терпение.

Мэтти шумно вздохнула:

– Правда, мама. Но как ты можешь оставаться такой спокойной? Неужели ты не чувствуешь за собой вины? Даже я понимаю: забыть ребенка один раз – ладно, бывает случайно, но дважды?

Элспет тоже решила высказаться:

– Миледи, вот для этой вы никогда не найдете мужа.

Бренна заткнула уши. Она терпеть не могла, когда нянька говорила о ней «эта». В конце концов, она же не поросенок.

– Я сама найду себе мужа! – в бешенстве выкрикнула Бренна.

Как раз под ее крики в зал вошла Джоан, одна из старших сестер.

– Что на этот раз ты натворила, Бренна?

– Ничего!

– Почему же тогда ты сидишь отдельно от всех? Ты всегда трешься у материнского бока и без умолку трещишь ей в уши. Ну, рассказывай, что ты тут наделала. Обещаю, я не стану ругаться.

– Я приставала к маме... Джоан, а папа нашел тебе мужа?

– Мужа? – с удивлением спросила Джоан.

Она не рассмеялась, опасаясь обидеть сестренку. Но не удержалась от улыбки.

– Думаю, да.

– А ты помогала ему?

– Разумеется, нет. Я увижу его только в день свадьбы.

– А ты не боишься? Вдруг он окажется страшилищем? – прошептала Бренна.

– Не важно, как он выглядит. Папа уверяет меня, что это будет крепкий союз, – также шепотом ответила Джоан.

– Ты уверена?

– О да! И наш король уже одобрил.

– Рейчел говорит, ты должна любить мужа всем сердцем.

– Вот еще глупости. Когда она станет постарше, если хочешь знать, ее выдадут за человека по имени Макнейр. Рейчел никогда даже не видела его. Он вообще живет не в Англии. Но отца это не волнует. Макнейр сумел подкупить его своими обещаниями и подарками.

– Элспет говорит, что мне папа никогда никого не найдет. И еще она говорит, папа слишком занят, чтобы тратить время на таких негодниц, как я. И мне придется искать мужа самой. Ты сможешь мне?

Джоан улыбнулась:

– Не беспокойся, я с радостью тебе помогу.

– Ну и как мне его раздобыть?

Джоан сделала вид, что размышляет над ответом:

– Я думаю, ты выберешь мужчину, который тебе понравится, а потом попросишь его жениться на тебе. Если он живет далеко, тебе придется отправить к нему гонца. Да, пожалуй, так... Но знаешь, Бренна, папа рассердился бы, услышав нас. Потому что это он обязан искать нам мужей. Кстати, а почему ты говоришь шепотом?

– Мне мама не велела говорить громко.

Джоан расхохоталась. Элспет, всегда бывшая настороже, кинулась к ним:

– Пожалуйста, не подзуживай ее, Джоан. Бренна, тебе велено было сидеть тихо. Твой язык хоть когда-нибудь отдыхает?

– Мне очень жаль, Элспет, – произнесла Бренна с самым чинным видом.

Нянька недоверчиво фыркнула.

– Да ладно, притворщица, вовсе тебе не жаль. – Потом наклонилась к девочке и погрозила пальцем перед самым ее носом. – Имей в виду, на днях сюда спустится Господь и тебе здорово влетит, юная леди. Попомни мои слова. Уж тебе достанется! Ты здорово пожалеешь. Он не любит вредных девчонок.

Наконец Элспет отстала от нее, и Бренна, утомленная долгим ожиданием гостей, уснула в своем уголке. Рейчел с трудом растолкала ее и потащила к старшим сестрам.

Бренна скользнула было за спину Рейчел, но тут назвали ее имя и вытолкнули вперед. Она вдруг настолько оробела, что боялась поднять глаза. Едва отец закончил нахваливать ее, она снова спряталась за сестру.

Никто из гостей не обращал внимания на Бренну, и она, воспользовавшись этим, решила убежать из зала. Девочка незамеченной добралась почти до двери, но внезапно замерла.

В зал входили три великана. Ошарашенная, она приросла к полу. Один, в середине, был выше всех. От него она не могла оторвать глаз. Родители поспешили навстречу гостям, и, когда оказались рядом с ними, она поразилась – гигант в середине был выше отца!

Бренна дернула Рейчел за руку. Сестра взглянула на нее сверху вниз.

– Что случилось? – прошептала она.

– Он Бог? Правда? – Бренна тыкала пальцем в сторону высокого темноволосого гостя.

Рейчел закатила глаза:

– Опомнись! Никакой он не Бог.

– Значит, папа обманул меня? Он говорил – выше его только сам Господь!

– Да нет же, не обманул. Он шутил с тобой, вот и все. Тебе нечего пугаться.

Бренна с облегчением перевела дух. Как хорошо – папа не обманул, Бог не спустился с небес, так что ругать ее некому. Она исправится, не будет больше грешить и станет слушаться Элспет.

Бренна посмотрела на громко захохотавшего отца и тоже радостно улыбнулась. Потом перевела взгляд на того, в середине. Ей сто раз повторяли – разглядывать человека в упор неприлично, но какое ей дело до правил хорошего тона, если великан точно загипнотизировал ее и ей хотелось запомнить его до мелочей?

Вероятно, и он почувствовал на себе пристальный взгляд девочки, потому что повернулся к ней и посмотрел ей прямо в лицо.

Бренна решила порадовать отца своими манерами благовоспитанной юной леди и, собираясь присесть в глубоком реверансе, сграбастала свои юбки с обеих сторон и задрала их до самых колен. Неожиданно она потеряла равновесие и едва не шлепнулась, но, к счастью, вовремя сумела выпрямиться и даже не забыла опустить юбки. Украдкой она бросила незначащий взгляд, проверяя, оценил ли он ее воспитанность и грациозность.

Великан улыбнулся ей.

Едва он отвел от нее взгляд, Бренна снова пристала к Рейчел.

– Я собираюсь выйти за него замуж, – прошептала она.

Рейчел улыбнулась:

– Ну и прекрасно.

Бренна гордо кивнула. Да, здорово.

И что теперь? Да ничего особенного – попросить его об этом.

Через несколько минут отец отпустил дочерей. Бренна дождалась, когда все отправились наверх, и выскочила во двор. Теперь-то она поймает поросенка, и у нее тоже будет любим-

чик. Конечно, лучше бы завести шеночка, но папа раздал их всех старшим братьям и сестрам, только ей не хватило. А так хотелось...

Бренне повезло. Свинья-мамаша выбралась из загона и заснула в грязной луже.

Стараясь не шуметь, она устремилась к цели. И – о боже! – ноги сами собой разъехались в навозной жиже, и она тотчас приземлилась недалеко от свиньи. Но утомленная поросятами мамаша даже глаз не открыла. До Бренны донесся стук двери, и она замерла, перестав дышать. Но все было тихо. Значит, никто ее не заметил.

Поросята сплелись в теплый клубок и спали друг на друге. Бренна схватила одного, завернула в подол платья и крепко прижала к груди. Она собиралась спрятать его на кухне, это легко, только бы он не пикнул.

Бренна и не подозревала об опасности, пока не направилась к выходу из загона. Тогда-то до ее слуха и донесся чудовищный, все нарастающий шум. Свиньи, как известно, не летают, но эта разгневанная мамаша мчалась так, что, казалось, готова была взлететь на воздух. Пригнув голову к земле, она летела быстрее молнии, издавая при этом оглушительный рев, точно дьявол, выскочивший из адского котла, и было совершенно ясно – она хотела добраться до Бренны.

Перепугавшись до смерти, девочка сама завизжала так громко, что заглушила даже рев зверя. От страха она потеряла всякую способность соображать и теперь, крепко прижимая к себе поросенка, бегала вдоль изгороди по кругу, поднимая брызги жидкой грязи, и отчаянно звала на помощь отца.

Прибежавшие на ее вопли родители увидели ужасную картину. Их маленький ангел, с ног до головы заляпанный грязью, носился по кругу, словно обезглавленная курица.

Сбежались все кто мог. Но спас ее не отец, а тот самый, улыбнувшийся ей великан. И очень вовремя.

Свинья успела-таки ткнуть ее рылом, собираясь швырнуть на землю и растерзать, но Бренна, уже готовая упасть, вдруг почувствовала, что воспарила. Невероятное ощущение! Она крепко зажмурилась, потом, догадавшись, что больше не надо кричать, открыла глаза и огляделась. Великан все еще держал ее на руках, но загон остался далеко. Девочка пыталась сообразить, как же ему удалось перемахнуть через загородку.

Все вокруг суетились, шумели, размахивали руками. Самым последним добежал до поля битвы отец. Задыхаясь, он спрашивал, не знает ли кто, почему животное напало на его дорожку малышку Фэйт.

Бренна не обиделась – папочка часто путал имена детей. Он, конечно, к вечеру вспомнит про ошибку. И она проведет часок у него на коленях, слушая, как он ее нежно журит. Бренна не думала про наказание – ведь никто не заметил, что она прячет в юбках. И очень надеялась, что и не заметят.

Но ее спаситель, конечно, догадался: еще бы – поросенок барахтался между ними. Бренна набралась смелости и посмотрела на великана – что он сделает? Казалось, он удивился, а когда поросенок взвизгнул, улыбнулся.

Она была просто счастлива, что он не сердится, и тоже улыбнулась, но тут же застеснялась.

Один из друзей великана подошел к ним:

– Коннор, все в порядке?

Тот повернулся, чтобы ответить.

Бренна дотронулась до щеки своего спасителя и снова повернула его лицо к себе. С мольбой в голосе она прошептала ему что-то на ухо. Не расслышав, он склонился к ней, и они почти стукнулись лбами.

– Не говорите никому.

Великан запрокинул голову и оглушительно расхохотался.

Бренна смущенно шепнула:

– Тише.

Он расхохотался еще громче. Пообещав никому ничего не говорить, он поставил ее на землю. Бренна изловчилась и проскользнула мимо отца, прежде чем он успел схватить ее.

– Бренна! Назад! Сюда!

Притворившись, что не слышит, она побежала дальше. И не останавливалась до тех пор, пока не почувствовала себя в безопасности. Она спряталась на кухне под столом вместе с поросячком, заснувшим у нее на коленях. Вот тут-то Бренна и вспомнила – она же забыла попросить великана жениться на ней! Ладно, ничего, завтра попросит. А если он откажется, что-нибудь придумает. Но добьется своего – он станет ее мужем. Папочке не придется беспокоиться.

Глава 2

Шотландия, 1119 год

В день своей свадьбы Коннор Макалистер был в полной боевой раскраске. В настроении столь же мрачном, сколь мрачна была синева его лица и рук. Лэрда не радовало предстоящее событие, но, как человек чести, он должен был сделать все для восстановления справедливости.

Ум и сердце Коннора давно были готовы к мести, и, по правде сказать, в этом для него не было ничего необыкновенного. Впрочем, как и для каждого обитателя Горной Шотландии, носившего на поясе меч.

Лэрда сопровождали пятеро воинов. Они тоже были готовы к схватке, но выглядели куда веселее господина – еще бы, никто из них не собирался взваливать на себя до конца своих дней такое бремя, как жена-англичанка.

Куинлен, правая рука лэрда, ехал бок о бок с ним. Воин был одного роста с господином, но не столь мускулист и широк в плечах и потому не так силен, как Коннор. Однако причина, по которой Куинлен встал на сторону клана Макалистера, заключалась вовсе не в этом. Ум Коннора, неиссякаемая жажда справедливости, талант лидера притягивали к нему людей. Как преданный сотоварищ, Куинлен был готов пожертвовать жизнью ради лэрда. Однажды Коннор спас его, и Куинлен знал – господин придет на помощь всегда, не считаясь с риском. Все остальные испытывали к Коннору те же чувства, что и Куинлен, а лэрд не делал различия между своими людьми и членами семьи.

Куинлен стал не только сторонником Коннора, но и его близким другом. Он, так же как и все Макалистеры, лелеял жгучее желание восстановить справедливость, нарушенную в прошлом.

– Не поздно передумать, – заметил Куинлен. – Есть много других способов отомстить Макнейру.

– Нет, я уже известил мачеху, что собираюсь жениться, так что теперь нечего об этом говорить.

– Ты думаешь, тогда Юфимия вернется?

– Может, и нет, – ответил Коннор. – Ей трудно ступить на нашу землю после гибели отца. Она до сих пор оплакивает его.

– А что ты скажешь Алеку? Брат приказал тебе покончить с наследственной кровной враждой. И ты дал слово.

– Да, это в последний раз. Долго, очень долго Макнейр будет об этом помнить, и с меня достаточно. Сам знаешь, как эта свинья жаждет вступить в союз с англичанкой. Его жадность мы используем в своих интересах. Вспомни, друг, он опозорил и уничтожил всю твою семью.

– Но мы же воевали с ним из-за его вероломства.

– Этого мало, – возразил Коннор. – Я доведу свое дело до конца, и твой отец тоже будет отомщен.

Куинлен вдруг рассмеялся:

– На этот раз, по-моему, все происходит не без вмешательства Господа. До нынешнего утра мы даже не знали имени девушки, которую ты собираешься отобрать у Макнейра. Ты сам-то помнишь ее?

– Ее трудно забыть. А ты знаешь, у меня есть серьезный аргумент для Алека. Очень важный.

– Все равно твой брат впадет в ярость.

– Нет, я знаю, чем его укротить. Я дам ему понять, что англичанка сама выбрала меня в мужа много лет назад.

– И что ты ему скажешь?

– Да правду. Она же просила меня жениться на ней. Не помнишь? Ты хохотал целую неделю.

Куинлен кивнул:

– Да, она тебя три раза просила. Но, смею напомнить, очень, очень давно. Она наверняка уже забыла об этом.

Коннор улыбнулся:

– Ну и что?

Леди Бренне вдруг стало страшно, ей показалось, кто-то невидимый наблюдает за ней. Она стояла на коленях возле мелкого ручейка, вытирая лицо и руки вышитым полотенцем, когда почувствовала чье-то присутствие у себя за спиной.

Она не обернулась. Нельзя вскакивать и бежать в лагерь: если это дикий кабан или зверь пострашнее, резкие движения привлекут к ней еще большее внимание.

Бренна тихонько вынула кинжал и, медленно поворачиваясь, поднялась, чтобы оказаться лицом к тому таинственному, что скрыто в темноте кустов.

Ее окружала тишина. Бренна ждала несколько минут – ни шороха. Единственный звук, громом отдававшийся у нее в ушах, был стук ее собственного сердца.

Конечно, было глупо уйти так далеко от лагеря, где остались воины отца. Если с ней что-то случится – некого винить, кроме самой себя. Она ушла сюда, желая побыть в одиночестве, но почему не взяла с собой хотя бы колчан и стрелы?

Неужели свою интуицию она оставила дома? Нет, обострившиеся чувства не подводили ее, ни минуты больше Бренна не сомневалась – за ней наблюдают. Но кто и почему?

Невероятно, решила Бренна, скорее всего она здорово поглупела. Если бы здесь кто-то был, она бы услышала. Отец часто восхищался ее поразительным слухом и даже хвастался друзьям, что его дочь Бренна способна услышать падение первого осеннего листа. Конечно, он немного преувеличивал, но совсем чуть-чуть. Обычно она улавливала малейший шум.

Но сейчас ничего не слышит. Бренна решила, что переутомилась. Путешествие оказалось трудным, она выбилась из сил, устала, и ей стало страшно без всякой причины.

Лэрд Макнейр... Каждую минуту девушка возвращалась к мыслям о будущем муже. Ее уже тошнило от этого, и она радовалась, что сегодня ничего не ела – иначе ее вывернуло бы наизнанку. Вообще-то она никогда не видела жениха, вполне возможно, что он приятный мужчина. А все рассказы о нем – досужий вымысел. Боже, как бы она хотела на это надеяться! Как ужасно выходить замуж за жестокого человека! Невероятно, невозможно! Она всеми силами пыталась разубедить отца, но он не слушал, он вообще редко кого слушал.

Отец держался с ней очень холодно, сообщая о своем решении. Разбудил среди ночи, потом велел ей помочь матери и горничной собрать вещи.

На заре Бренна должна была отправиться в Лоулэндс. Все, что отец счел нужным сказать ей перед дорогой, прозвучало для Бренны совсем неутешительно. Брак одной из дочерей с Макнейром должен был помочь отцу дотянуться до Шотландии. А поскольку король решил женить на Рейчел одного из своих любимчиков, то барон Хейнсуорт вынужден был отдать Макнейру Бренну. Да, конечно, отец любил ее, но больше всего он любил власть и влияние.

Подарки тоже, добавила про себя Бренна. Макнейр прислал очень дорогие вещицы.

Разумеется, король понятия не имел о помолвке и рассердился бы, узнав о ней, но отец нимало об этом не беспокоился. Жадность, переполнявшая его сердце, не оставляла места для осторожности или страха.

Когда Бренна перестала рыдать, мать дала ей в напутствие несколько советов, и самый первый – успокоиться. Все образуется, едва дочь привыкнет к новой жизни и расстанется с детскими мечтами.

Вспомнив о родителях, Бренна затосковала по дому, сама не зная почему. Разве не они силой отправили ее замуж? Но она хотела домой, ко всем сразу, даже к старой, с причудами няньке, обожавшей командовать.

Впрочем, хватит жалеть себя, иначе она расплатится как дитя. Ее будущее решено, один Господь в силах изменить ее судьбу.

В пути воины отца отчего-то заволновались, и Бренна подумала, что они уже достигли владений Макнейра. Но ей сказали, что до его крепости надо ехать еще целый день.

Бренна решила заплести косу, растрепавшуюся, пока она умывалась в ручье. Она взялась было за длинные пряди, но потом передумала – какая разница, какой она предстанет перед лэрдом. Она резко выдернула ленту из косы и распустила волосы. Лента при этом упала на землю, а следом из-за пояса выпал кинжал.

Едва она успела поднять оружие, как услышала громкий крик своего охранника Гарольда.

Подобрав юбки, Бренна побежала к лагерю узнать, что случилось. Путь ей преградила ее горничная Беатрис. Полная женщина, катившаяся, как бочонок, вниз по дороге, остановилась перед Бренной, схватила ее за руку и потащила за собой. Ужас в глазах служанки заставил Бренну похолодеть.

– Бежим, миледи! – кричала она. – На нас напали демоны! Прячьтесь, пока не поздно! Дикари собираются убить наших воинов. Они ищут вас. Скорее! Скорее! Прячьтесь, чтобы они вас не нашли!

– Кто они такие? – испуганно, но требовательно прошептала Бренна.

– Разбойники, кто же еще! Столько их – не сосчитать. Все синелицые, глаза как у дьяволов, сами огромные. Ну вылитые дети сатаны! Один пригрозил убить Гарольда, если тот не скажет, где вы.

– Гарольд не скажет.

– Уже сказал! Он сказал! – закричала она. – Бросил меч и признался, куда вы пошли, а я что было духу побежала за вами. Люди вашего отца вот-вот погибнут. Дикари только и ждут, когда явится их главарь, а потом пойдет резня, можете не сомневаться. Они станут пить их кровь и рвать зубами их мясо!

Беатрис задыхалась в истерике. Пытаясь сдвинуть хозяйку с места, она до крови расцарапала руку Бренны.

Девушка с трудом вырвалась.

– Но солдаты были живы, когда ты убежала?

– Да. Но их могут убить в любую минуту. Ради всех святых, бежим!

– Я не могу оставить людей. Беги, спасайся сама.

– Вы сошли с ума!

– Если они приехали за мной, может, они услышат мои мольбы и оставят в живых воинов отца. Одна жизнь за двенадцать – неравноценный обмен, но я все же попытаюсь уговорить их.

– Да вы погибнете из-за своих глупостей!

Горничная столкнула Бренну с дороги и кинулась в лес.

В панике Бренна едва не побежала за ней, но, собравшись с духом, не позволила себе поддаться искушению. Если горничная сказала правду, то через несколько минут ее не будет в живых. Господи, до чего же ей страшно!

Неужели все ее благородство осталось дома? Нет, она не может позволить Гарольду и остальным умереть из-за ее трусости. Даже если есть малейшая возможность уговорить дьяволов отпустить солдат, она должна попытаться, не важно, страшно ей или нет.

Бренна поспешила к поляне, обратив к Господу свою последнюю молитву. Она не стала тратить драгоценное время и просить прощения у Бога за каждый из своих проступков в отдельности. Пришлось бы месяц не закрывать рта, перечисляя все. Поэтому она свалила их

в кучу, надеясь на отпущение грехов за все сразу. Может, Господь ниспошлет ей разум, и она найдет способ выжить.

Она беспрестанно твердила по пути:

– О Боже... О Боже... О Боже...

Дойдя до поворота, за которым располагался лагерь, Бренна так отчаянно дрожала, что едва держалась на ногах. Она вспомнила про кинжал в руке, быстро спрятала его в складках юбки и заставила себя глубоко вдохнуть.

Конечно, она понимала, как трудно заставить дикарей выслушать женщину. Если она станет запинаться или обнаружит перед ними свой страх, ничего не выйдет. Надо быть смелой, велела она себе. Бесстрашной.

Наконец Бренна почувствовала, что готова. Она снова обратилась к Богу, моля помочь ей, а если он не расположен продлить ей жизнь, то пусть ниспошлет ей быструю смерть. Она глубоко вздохнула – смерть без боли. И снова ее губы шептали:

– О Боже... О Боже... О Боже...

В глубине души Бренна была уверена – Бог понял, чего она просит.

Ее уже ждали. Когда она увидела их, она чуть не упала в обморок.

Она слышала громкое дыхание – это дышали дикари. Ее появление поразило их, это читалось по лицам. Но почему? Ведь они ждали ее. Они наблюдали за ней, когда она выходила на лужайку.

Их оказалось не так уж много, Беатрис со страху преувеличила. Всего их было пятеро. Они стояли полукругом за спинами солдат отца. Но эти пятеро были таковы, что колени Бренны задрожали, а в животе заныло.

Она окинула беглым взглядом незнакомцев, и теперь все ее внимание было приковано к солдатам. Гарольд и остальные стояли на коленях на поляне, опустив голову, заложив руки за спину. Подойдя ближе, Бренна увидела – им не связали руки. Она присмотрелась внимательнее и, убедившись, что никто не ранен, почувствовала облегчение.

Девушка заставила себя взглянуть на незваных гостей. О господи, ее снова будут мучить кошмары по ночам! Конечно, никакие они не дьяволы, нет, нет. Просто мужчины, испуганно подумала она. Очень крупные. Беатрис назвала их дикарями, и с ней можно согласиться. Пожалуй, это единственное, в чем оказалась права эта сумасшедшая женщина. Да, дикари. Подобное определение им подходило из-за синей краски, покрывавшей лица. Очевидно, украшать себя таким странным способом было частью древнего ритуала. Бренна подумала: а не придерживаются ли они ритуала принесения жертвы? Но она тут же постаралась прогнать эту мысль.

Одежда их была такой же простой и грубой, какими выглядели они сами, но, пожалуй, она такую уже видела когда-то. Их торсы были закутаны шерстяными накидками – пледами в коричнево-желто-зеленую клетку, а на ногах у дикарей были оленьи сапоги на кожаных шнурах, доходившие до голых коленей.

Значит, они шотландцы. Может, это враги лэрда Макнейра? Они пересекли границу его земель. Может, они собираются убить ее, мстя за грехи будущего мужа?

Бренне совсем не понравилась мысль умереть за человека, которого она в глаза не видела. Впрочем, мысль о смерти не нравилась ей ни в каком виде.

Почему же дикари молчат? Кажется, они глазают на нее уже целую вечность, хотя Бренна понимала, что на самом деле прошла минута или две.

«Не бояться! – приказала она себе. – Я должна быть бесстрашной».

«О Боже, о Боже, о Боже...»

– Я леди Бренна.

Она ждала нападения.

Никто не двигался.

А потом, когда она уже собиралась спросить, чего они хотят, шотландцы удивили ее. Как подкошенные они упали на колени, приложив руки к сердцу и склонив головы. Подобное проявление уважения потрясло ее.

Нет, это не уважение, подумала она. Может, они смеются над ней? Боже праведный, невозможно понять, что происходит. Бренна ждала, когда они встанут, пытаясь определить главного и обратиться к нему. Она переводила взгляд с одного лица на другое, но, покрытые синей краской, они все как одно были похожи на маску.

Глаза Бренны замерли на самом большом темноволосом сероглазом воине. Она уставилась на него, ожидая, что тот заговорит. Но он молчал.

«О Боже... О Боже...»

– Почему вы молчите?

Воин вдруг улыбнулся.

– Мы ждем, миледи, – объяснил он глубоким сильным голосом.

Девушка нахмурилась, размышляя над его уклончивым ответом. А поскольку воин говорил на гэльском языке, она решила отвечать на нем же. Отец заставлял всех дочерей учить этот язык, и сейчас Бренна была очень благодарна ему. Диалект незнакомца отличался от известного ей, но она достаточно хорошо понимала шотландца.

– Ждете чего? – спросила она на гэльском.

В серых глазах шотландца промелькнуло удивление, но он тут же постарался скрыть его под личиной бесстрастия.

– Мы ждали, пока вы закончите молитву.

– Молитву? – смутилась Бренна.

– По-моему, вы застряли в самом начале молитвы, девушка. Не помните дальше, да? – поинтересовался другой воин.

– О Боже, о Боже...

– Ну вот, снова то же самое, – прошептал третий.

Господь всемогущий! Да она же молилась вслух!

– Я просила о терпении, – с достоинством заявила Бренна, изо всех сил пытаясь держаться ровно и независимо. – Кто вы такие?

– Мы люди Макалистера.

– Это имя мне ни о чем не говорит. Откуда я могу его знать?

Воин со страшным шрамом, тянущимся от лба и ниже вдоль щеки, выступил вперед:

– Вы очень хорошо знаете нашего лэрда, миледи.

– Ошибаетесь, сэр.

– Зовите меня, пожалуйста, по имени, миледи. Я Оуэн. Вы окажете мне честь, если станете называть меня так.

Бренна не понимала, почему этот дикарь так вежлив с ней. Шотландцы поставили ее в ужасно затруднительное положение. В конце концов, они собираются убивать ее или нет?

– Очень хорошо. Я буду звать тебя Оуэн.

Воин остался явно доволен.

Внутри Бренны все дрожало, она готова была поднять руки вверх и сдаться без борьбы.

– Оуэн, вы хотите убить меня и солдат моего отца?

Казалось, ее вопрос смутил их. Сероглазый ответил:

– Нет, леди Бренна. Ничего плохого мы вам не сделаем. Каждый из нас только что поклялся защищать вас до последнего дня своей жизни.

Остальные торопливо закивали, соглашаясь.

Наверное, они сумасшедшие, решила Бренна.

– Боже мой, да чего ради вы решили защищать меня?

– Ради нашего лэрда, – ответил Оуэн.

Только теперь они решились заговорить о своем господине, и правильно сделали, подумала Бренна, потому что до этого момента она не смогла бы вникнуть ни в одно слово. От свалившегося на нее чувства внезапного облегчения она едва устояла на ногах. Хорошая новость способна поразить так же, как и плохая. Если сероглазый не обманул, все останутся живы и нечего бояться. Слава богу!

Но победу праздновать рано, предупредила себя Бренна. Никто не сказал ей, зачем они явились. Это не визит вежливости, и она хотела знать истинную причину, чтобы заставить их уйти, никому не причинив зла.

Надо быть настороже и попытаться добиться ответа.

– Как я понимаю, вы шотландцы, – начала она, удивляясь слабости своего голоса. Она не говорила, а пищала, как мышонок. Бренна откашлялась и уже более уверенно продолжала: – Но из каких мест в Шотландии?

Серые глаза округлились от ужаса:

– Я Куинлен, миледи. И мы не считаем себя шотландцами. Мы горцы.

Остальные дружно закивали.

Бренна изумилась: когда-то ей доводилось изучать это как интересный факт, а теперь – вот они, те, кто не хотел отказаться от старых, покрытых вековой пылью обычаев предков, и она должна была бы узнать их по одежде. Если бы Бренна не испугалась так сильно, она поняла бы, какую обиду нанесла им, приняв за шотландцев.

Никогда она не думала, что где-то и впрямь живут люди, придерживающиеся древних обычаев. Но Бренна не собиралась высказывать свои мысли вслух, она не хотела сердить горцев. Если им нравится подобная дикость, ей-то что за дело?

– Ах, вот как, значит, вы горцы? Спасибо за объяснение, Куинлен.

Он церемонно поклонился и высокопарно произнес:

– Я был бы вам очень благодарен, миледи, если бы и впредь вы обращались с вопросами к вашим покорным слугам.

Бренна тяжело и с видимым разочарованием вздохнула:

– Пожалуйста, не обижайтесь, но я действительно не хочу, чтобы вы меня охраняли.

Он улыбнулся.

– Вы ведь скоро оставите нас? – попробовала выяснить Бренна то, что ей ужасно хотелось знать. Голос ее задрожал.

Серые глаза бесовски сверкнули:

– Нет, миледи, мы даже не собираемся.

– Неужели вы действительно не помните нашего лэрда? – словно не веря себе, спросил Оуэн.

– А с какой стати я должна его помнить? Я даже никогда не встречала его.

– Ну как же, вы даже просили его жениться на вас.

– Ты ошибаешься, Оуэн. Ничего такого не было.

– Но, миледи, мне сказали, что вы три раза просили его жениться на вас.

– Три раза? Я просила его...

И вдруг она осеклась. Три раза. Господи! Не может же он говорить о... Бренна потрясла головой, стараясь прояснить мысли. Нет, нет! Это произошло столько лет назад, и это была глупость! Детская шалость.

Кто из членов семьи знал о планах Бренны найти себе мужа, чтобы папочка не трудился над такой сложной задачей? Только сестра Джоан, а она никогда бы не рассказала об этом кому-то чужому. Сама Бренна давно бы забыла эту историю, но сестра часто вспоминала ее, чтобы посмеяться. Как всякая старшая сестра, она любила подтрунивать над младшей, над ее возмутительным поведением. Только подумать, с какой страстью малышка гонялась за поросятами по двору, залитому навозной жижей! Почему Бренне в детстве так хотелось найти себе

мужа или украсть поросенка и воспитывать его как щенка, она и сама не могла теперь понять или объяснить. Единственное, что ее извиняло, – юный возраст.

– Это, миледи, было очень давно, – пояснил Оуэн.

Итак, они все знали. Откуда – совершенно непонятно. От испуга Бренна не могла ничего придумать и слабым голосом проговорила:

– Но ведь он мне отказал... Не так ли?

Куинлен покачал головой:

– Да, дважды он посылал отказ, но, как мы понимаем, вы хотели бы услышать ответ на последнее предложение. На третье.

– Я не жду ответа, – окрепшим голосом заявила Бренна, взяв себя в руки.

– А нам кажется, что ждете, – настаивал Оуэн.

Кажется, никто из них и не думал поддразнивать ее. Бог свидетель, они выглядели очень серьезными.

Черт побери, что, в конце концов, происходит?

– Я жду, когда же вы начнете хохотать. Но вы не собираетесь, да, Куинлен?

Он не удостоил ее ответом. Вполне довольные беседой с ней, они держались очень мирно и предупредительно. Эти воины не были похожи на праздных людей, способных попусту и без сожаления тратить время, но в данный момент они явно его тянули. Чего-то ждали? Но чего?

Бренна и прежде не отличалась большим запасом терпения, вот и теперь она хотела узнать их планы.

Не могла же она поверить, что они проделали бог знает какой длинный путь ради того, чтобы напомнить ей о предложении многолетней давности, и не собирались же они сейчас получить ответ на него! Через столько лет! Как можно всерьез относиться к такой чепухе, будто отныне они всегда готовы охранять ее?

Не думая, насколько это разумно, она решила поймать их на лжи:

– Вы сказали, что теперь вы мои верные защитники и покорные слуги. Так, Куинлен?

Воин посмотрел поверх ее головы в сторону леса, прежде чем ответить. Потом улыбнулся:

– Я здесь только для того, чтобы служить вам и защищать вас, миледи. Все мы здесь ради этой цели.

Бренна тоже улыбнулась ему в ответ:

– Значит, вы готовы выполнить мою просьбу?

– Конечно.

– Очень хорошо. Я прошу вас уйти.

Он не пошевелился. Бренна ничуть не удивилась.

– Куинлен, я никак не могу избавиться от ощущения, что вы все еще здесь. Я непонятно говорю?

Казалось, великан сейчас расхохочется. Он покачал головой и сказал:

– Но если я уйду, то не смогу служить вам. Вы же понимаете?

Нет, Бренна не понимала. Он готова была спросить: а можно ли ей уйти, но без их сопровождения?

Куинлен опередил ее, напомнив:

– Миледи, что касается вашего предложения...

– Вы снова о нем?

Оуэн кивнул:

– Вы же сами просили.

– Да, просила. Но с тех пор передумала. А этот человек до сих пор жив? Может, он успел состариться? Это он вас послал ко мне?

Куинлен ответил:

– Да, он.

– А где он сейчас?

Куинлен снова улыбнулся. Другие тоже.

– Он стоит прямо у вас за спиной.

Бренна подумала, что от волнения она не так поняла.

Но дикари дружно закивали.

– Все время? – прошептала она.

– Нет, он только что подошел, – успокоил ее Куинлен.

Так вот чего они ждали! Могла бы и сама догадаться. Если бы она так страстно не пыталась заставить их уйти, она бы уже давно поняла, что их главарь вот-вот появится.

Бренне не хотелось оборачиваться, но гордость не позволяла и броситься со всех ног в лес. Крепче сжав кинжал, она обернулась, готовая встретиться лицом к лицу с главным дикарем.

О да, он стоял у нее за спиной. И как она не почувствовала? Она могла протянуть руку и коснуться его. Воин был высокий, как сосна. Бренна уставилась на его массивную грудь, боясь поднять глаза выше. Его размеры ошеломляли. Девушка не доставала ему даже до подбородка. Он стоял в двух шагах от нее, и, когда она инстинктивно отступила назад, он сделал шаг вперед.

Надо посмотреть ему в лицо, сказала себе Бренна. А то он подумает, что она трусит. Бежать нельзя, иначе он решит, что она испугалась его вида и устрашающих размеров. Да в конце концов, разве она не может побороть свой страх? Ведь сумела же она справиться с собой несколько минут назад.

Коннор уже едва не вышел из терпения, когда наконец Бренна подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза. Собственная реакция удивила его. От ее красоты у него перехватило дыхание, в горле запершило. Он знал, что она хорошенькая, когда подсматривал за ней у ручья, – она что-то тихонько бормотала, то заплетая, то расплетая косу, – но у него не было времени рассмотреть ее как следует и понять, насколько она хороша. Он стоял довольно далеко от нее, да и в тот момент он и не хотел этого знать. Но эта женщина оказалась исключительной красоты, он не мог отвести от нее глаз. Вдруг Коннор понял – не он один, другие тоже не отрываясь смотрят на нее. Он пришел в ярость, увидев, как его люди стоят, точно одурманенные зельем. А разве сам он чувствует себя иначе?

Как же раньше он не заметил такое совершенство? Безупречной белизны кожа, ясные, искрящиеся голубые глаза, полные розовые губы, невольно наводившие на мысль о чувственных удовольствиях, которые она могла ему дать. Едва Коннор понял, что с ним творится, он сразу перевел взгляд на ее лоб, чтобы собраться с мыслями.

Ему понадобилось некоторое время, чтобы заставить себя дышать ровно, но наконец он овладел собой. И хотя Коннор чувствовал, что отныне он обретает в ней такое дразнящее искушение, которое нарушит его покой, он остался ею доволен. Ну а то, что девушка оказалась столь хороша, сделает оскорбление, нанесенное этой свинье Макнейру, еще ощутимее. Он слышал, из Англии редко прибывали красивые женщины, но в его руках оказалась потрясающая драгоценность.

И надо же – все произошло на удивление легко. Никто из ее солдат не сопротивлялся, ему даже не пришлось поработать кулаками. Он просто вошел в лагерь, приказал всем стать на колени, и, Бог свидетель, они повалились как подкошенные. Никто даже не пикнул. Кроткие как овечки и такие же трусливые. А некоторые слабаки сами поспешили бросить оружие.

Только один солдат попытался, да и то весьма нерешительно, крикнуть хозяйке, предупредить ее. Коннор слышал. Этот воин как раз наблюдал за леди Бренной у ручья, чтобы ничего плохого с ней не случилось. Но его человек, Куинлен, заставил солдата замолчать. Леди Бренна услышала шум, уронила ленту и бросилась в лагерь. Любопытство подгоняло ее, но, когда дру-

гая англичанка пыталась забить ей голову рассказами про демонов, ей, конечно, понадобилось немалое мужество, чтобы войти в лагерь.

Он понимал – она верила, что бежит навстречу своей смерти. На ее лице отражался ужас, охвативший ее. Но как она сказала? Одна жизнь за двенадцать... Кажется, так?

Коннора смутило ее поведение. Она ведь дочь Хейнсуорта, не так ли? Но она ничуть не была похожа на знакомых англичан. За все годы сражений он ни разу не видел ни одного случая проявления истинного мужества у представителей этой нации... Вплоть до сегодняшнего дня. Коннор решил, что надо сказать ей об этом, но потом передумал. Вряд ли стоит говорить с ней сейчас на подобную тему. Надо дать женщине возможность преодолеть страх перед ним, иначе она не поймет ни слова. Гораздо разумнее помолчать.

Коннор заложил руки за спину, ожидая, когда Бренна придет в себя. Интересно, неужели она все еще принимает его за дьявола? Взгляд ее подсказывал – скорее всего именно так. Он с трудом сдерживал улыбку. Смешно!

Она должна привыкнуть к его присутствию. А вообще-то он намерен уже сегодня лечь с ней в постель. Но конечно, о своих планах Коннор не собирался говорить девушке. Она будет его женой, и не важно, сколько времени уйдет на уговоры предстать перед священником. Если понадобится, он потратит целый день, чтобы она успокоилась и выслушала его.

Бренна старалась вести себя сдержанно, тщательно скрывая свой страх и полагая при этом, что это ей удастся. Она не могла понять, хорош собой дьявол или уродлив – синяя краска на лице не позволяла этого определить. Она видела его темные глаза, они смотрели тепло и успокаивающе. Лицо было чистое, без шрамов. Еще она заметила, что у него прямой нос, высокие скулы, четко очерченный рот. Он носил длинные, почти до плеч, волосы, они были цвета ночи. Как ни странно, чисто вымытые.

Бренна понятия не имела, сколько времени она разглядывала незнакомца. Он не шевелился. Внезапно ее рука оказалась в его руке. С глупым видом Бренна посмотрела вниз, наблюдая, как он спокойно вытащил ее руку из-за спины, вынул из нее кинжал, легко разжав побелевшие пальцы. Она ожидала, что он отнимет у нее оружие или выбросит его, демонстрируя собственное превосходство, и очень удивилась, когда вместо этого он засунул кинжал в кожаный чехол у нее на поясе.

– Спасибо, – прошептала она.

В конце концов, что с ней творится? За что она благодарит его? Он только что до полу-смерти напугал ее. Не должна ли она накричать на него?

Боже, да она выжила из ума, если сейчас собирается выговаривать ему! Она даже не в силах заговорить – у нее пропал голос. А что, если она набросится на великана со своим маленьким кинжалом? Но этот человек даже не потрудился отнять его, считая нож совершенно бесполезным и безвредным. Такой силач и не вздрогнет, если она попытается замахнуться на него.

На самом деле великан не был ни Богом, ни дьяволом, а всего лишь обыкновенным мужчиной, притом весьма примитивным. Любой, у кого есть хоть капля разума, понимает – женщина всегда изворотливее мужчины. Мать Бренны делилась с дочерьми житейской мудростью довольно часто, но никогда – в присутствии отца. Она всегда была честной, порой даже слишком. И очень доброй. Поэтому не произносила при мужчинах ничего обидного или оскорбительного для них.

Но сейчас Бренна вовсе не собиралась следовать примеру матери. Она, конечно, постарается быть добрее, но абсолютно честной и правдивой – нет уж, увольте. Иначе ей не выбраться из этой ситуации.

– Я вас не помню.

Он пожал плечами. Ему было все равно, помнит она его или нет.

– Вероятно, произошло недоразумение. Я вовсе не ждала от вас ответа на свое предложение. – Голос ее понемногу окреп. – Я была ребенком, и едва ли вы отнеслись к моей просьбе настолько серьезно, что обдумывали ее все эти годы. – Ему что, больше не о чем было подумать? – Ваши люди, должно быть, шутят со мной?

Он покачал головой.

У Бренны даже горло перехватило от желания тут же раскричаться на него. Совершенно ясно, он такой же сумасшедший, как и его парни, только выглядит еще мрачнее. Как же ей добиться, чтобы он услышал ее?

Отец, конечно, убил бы ее на месте, если бы знал, что в детстве она просила незнакомца жениться на ней. Да это, наконец, было просто смешно. Отец все за нее решил, нашел мужа и... Макнейр! Боже, про него-то Бренна напрочь забыла. Он впадет в ярость, узнав о дерзком поведении невесты.

Бренна видела для себя один-единственный выход.

– Я должна отправляться дальше. Лэрд Макнейр не сможет понять причину моего опоздания. Он собирался выслать мне навстречу сопровождение, и я бы не хотела, чтобы кто-то из вас пострадал из-за этого недоразумения.

Незнакомец вдруг потянулся к ней и схватил. Его огромные ручищи стиснули ее плечи, и Бренна поняла – никуда она отсюда не тронется, пока он не захочет ее отпустить. Впрочем, он не причинил ей боли, он держал ее мягко, даже нежно.

Девушка хмуро посмотрела на дикаря, пытаясь отыскать хоть что-то разумное в происходящем.

– Ваше появление на моем пути не имеет никакого отношения к тем смешным детским предложениям. Не так ли? Вы оказались здесь по совершенно иным причинам.

Молчание. Он не проронил ни слова, не кивнул, даже ресницы его не дрогнули. Она что, говорит с деревом?

Бренна ощутила, как кровь прилила к щекам. Это было полное крушение! И тогда громко, совсем не так, как подобает леди, она закричала. Даже нет, не закричала, у нее вырвался стон с рычанием.

– Ну хорошо-о! Допустим, вы явились сюда из-за моего предложения. Давнего, детского предложения! Но я уже объяснила вам: я не помню никакой встречи с вами и вас тоже! Одна из сестер, свидетель всех моих проделок, рассказывала, будто ребенком я очень боялась, что не найду себе мужа, хотя очень сомневаюсь, что тогда я вообще понимала, что это такое. И, желая успокоить меня, Джоан научила, как поступить. Но она никогда не думала, что я всерьез восприму ее совет. Теперь я знаю, это ошибка отца. Он говорил, что никогда не сможет найти мне мужа, способного справиться со мной. Ну и вы, сэр, тоже виноваты, вы тогда улыбнулись мне. Я не помню ничего о той встрече, но вашу улыбку – да, помню. Всегда буду помнить. В Англии, поймите же наконец, настоящие леди никого не просят жениться на них. Они так не поступают! – выкрикнула Бренна. – И Бог свидетель, у меня нет сил еще раз объяснить вам это.

– Что вы говорили посланцу, миледи? Вы помните свое последнее предложение?

По голосу, раздававшемуся за спиной, Бренна узнала Куинлена.

Да черт побери! Откуда ей помнить? Они что, не слушали ее сейчас? Ее речь, громкую, с пафосом?

Она не могла повернуться и посмотреть на Куинлена, их хозяин не собирался ее отпустить.

– Ну может, я спросила, женитесь ли вы на мне.

Коннор улыбнулся, привлек ее к себе, наклонился и, ошеломив ее поцелуем, поднял голову и произнес:

– Да, Бренна. Я женюсь на тебе.

Глава 3

Этот мужчина явно сумасшедший. Он твердо решил на ней жениться. Все ее объяснения падали в пустоту. Одному Богу известно – она испробовала все, кроме физической силы, чтобы заставить его образумиться. Бренна спорила, умоляла, молилась.

Но все было напрасно.

Тогда Бренна решила прибегнуть к средствам, которыми истинные леди не пользуются. Из всех сил она пнула его в ногу, рассчитывая хоть таким способом заставить его внять ее доводам. Он даже не шелохнулся, зато ее собственная нога так заныла от удара, что Бренна перегнулась от боли пополам, и великану пришлось поддержать девушку, чтобы она позорно не шлепнулась на землю. К счастью, через пару минут ей удалось взять себя в руки.

Она начала все снова.

Сейчас Бренна могла гордиться собой. Ни разу не повысив голоса, она привела сотню разумных доводов, почему их брак невозможен. Но каков результат? С тем же успехом она могла выйти в чистое поле и беседовать с ветром! Этот дикарь даже ухом не повел. Она не была уверена, слышал ли он ее. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел так, будто хотел сказать: ох и надоела же ты мне! А когда она принялась перечислять ужасающие последствия его сумасшедшего поступка, он спокойно взял ее за руку и потащил к лошадям.

Во что бы то ни стало она должна выбраться из этой переделки. Пытаясь найти хоть какой-нибудь выход, Бренна, как обычно, обратилась к Богу, но ее мысли и молитвы прервал внезапным вопросом Куинлен.

– А с этими что делать? – Куинлен махнул рукой в сторону солдат-англичан.

Горец даже не счел нужным остановиться, он лишь бросил на ходу через плечо:

– Убейте их!

– Нет! – потрясенно закричала Бренна.

Ее волнение не на шутку удивило его:

– Что?

– Нет! – закричала она снова.

– А почему нет?

Боже! Что он за человек, если задает такие вопросы?

Как бы то ни было, но наконец-то он обратил на нее внимание и теперь терпеливо ожидал ее ответа, но руку по-прежнему не отпуская.

– Но они ведь беззащитны. Вы отобрали у них оружие.

– Нет. Они сами бросили его, как только увидели нас. Так объясни мне, почему они должны остаться в живых. – Голос его звучал вполне вежливо для подобных обстоятельств. – Их главная задача какая? И единственная, кстати? Их святая обязанность?

Бренна почувствовала – он начинает сердиться. Голос становился суровее с каждым вопросом, он сильнее и сильнее сжимал ее пальцы, до боли.

– Их главная задача – защищать.

Он ослабил руку.

– И кого они должны защищать? – поинтересовался он.

– В первую очередь короля. Потом барона, которому присягнули на верность...

– И... – подсказал он.

Бренна слишком поздно поняла, куда он клонит. Боже, помоги ей! Она не могла придумать, как перевести разговор на другую тему.

– Меня.

– Ну, и они защитили?

– Защитили или нет – моя забота.

– Это моя забота, – поправил он. – У этих людей нет чести. Они заслуживают смерти.
– Но не вам это решать.
– Именно мне, – возразил он. – Потому что ты будешь моей женой.
– Это вы так думаете.
– Я это знаю, – ледяным голосом заявил он. – Я не могу оставить в живых таких трусов.
– Есть еще одна причина, почему вы не можете их убить.
Боже, помоги, помоги сообразить что-нибудь!

Бренна опустила голову и уставилась в землю, пытаясь придумать что-нибудь убедительное.

– Я жду.

Она тоже ждала. Но Бог, видно, был не в настроении помогать ей.

– Вы не поймете, – прошептала она.

– Чего это я не пойму?

– Если вы убьете солдат моего отца, тогда я вряд ли смогу выйти за вас замуж.

– Как это?

Ей вдруг показалось, что он едва не расхохотался.

Она посмотрела на него, надеясь увидеть улыбку на его лице. Но ошиблась. Он смотрел хмуро и угрожающе.

– Ну да, я же сказала – вы не поймете. Если бы вы не были язычником...

– А я не язычник.

Она не поверила. Боевая раскраска – языческий ритуал.

Коннор, посчитав, что уже и так потратил слишком много времени, перевел взгляд на Куинлена, собираясь приказать ему отпустить солдат. Но не из-за ее протестов. Просто он не хотел пугать Бренну. Пусть его боятся враги, но не жена.

Однако Бренна помешала ему проявить великодушие.

– Подождите! – закричала она. – А вам так важно жениться на мне?

Он пожал плечами.

Она истолковала этот жест как подтверждение того, что да, важно.

– И вы не хотите объяснить почему?

– Мне незачем тебе что-то объяснять.

– Но может, в таком случае я объясню, что думаю? – спросила Бренна. – Тогда вам будет легче меня понять. Итак, если вы не язычник, то как вы собираетесь заставить меня выйти за вас замуж? Просто объявите родным и друзьям, что взяли себе жену? Или предстоит церемония со священником, который выслушает наши клятвы и благословит наш союз?

– Будет священник.

Она нахмурилась:

– А он на хорошем счету в церкви?

Мужчина улыбнулся. Больше он не мог справиться с собой. Ну какая подозрительная!

– Да, на хорошем.

Казалось, Бренна ухватила победу за хвост. Она наскоро помолилась, благодаря Бога за помощь, пообещала ему позже встать на колени и просить прощения за то, что она подумала, будто он не внял ее мольбам, а потом спросила:

– И как вы намерены заставить меня поклясться перед лицом Господа?

– Поклянешься.

– Да неужели?

Тут-то она его и поймала. Она даже не подозревала, насколько важно ее согласие. Коннору плевать на поведение священника или самой Бренны на церемонии. Он знал, что, когда надо, он способен нагнать страх на кого угодно, но его смущал Алек Кинкейд. Коннор и так уже расходился кое в чем с братом. А если Бренна даст Алеку понять, что она не согласна, то

может произойти черт знает что. Но если Алек захочет, чтобы эта свинья Макнейр заполучил ее в жены, тогда Коннору придется выступить против брата.

Бренна с радостью заметила, как улыбка исчезла с его лица.

– Теперь, я думаю, вы поняли, – сказала она. – Я бы хотела, чтобы вы отпустили моих солдат целыми и невредимыми. Пускай они отправляются или к лэрду Макнейру, или к моему отцу.

Наивная женщина и впрямь думала, что спасает жизнь солдат. Но Коннор лучше знал, чем это может кончиться. Макнейр наверняка замучает их, прежде чем окончательно разделяется с ними. И хотя ее отец, возможно, не станет пытаться их, Коннор почти не сомневался, что он все равно их убьет – ведь они его обесчестили.

– А если я соглашусь на эту сделку? – спросил он, старательно сохраняя серьезный вид, но в душе смеясь над ней. – Ты примешь мое предложение? Мне нужно твое согласие.

– А это важно?

– Да, – ответил он. – Со временем сама поймешь.

– Вы ожидаете, что я дам обещание, не зная точно, на что иду?

– А ты ждешь, что я позволю двенадцати трусам остаться в живых, чтобы они отравляли воздух, которым я дышу?

Коннор нахмурился, и Бренна заволновалась, что он передумает. И решила не искушать судьбу. Она и так немало выиграла, разве нет?

Но победу праздновать рано – это Бренна знала точно.

– Я даю добровольное согласие.

– У тебя доброе сердце.

Она удивилась комплименту.

– Спасибо.

– Это не похвала, – резко перебил ее он. – Я хочу, чтобы впредь ты избавилась от подобной слабости.

Девушка потеряла дар речи. И что можно на это сказать?

Его люди были не менее странными, чем их предводитель. Когда он велел им отпустить солдат, не тронув их пальцем, они даже не пытались скрыть разочарования. Надулись как дети. Бренна изумленно уставилась на горцев, а их главарь уже тащил ее за руку к лошадям. У Куинлена хватило дерзости улыбнуться ей.

Мужчина, которому она только что дала свое согласие, молчал, пока они не отошли подальше от всех.

– Бренна!

– Да?

– Я не всегда буду таким любезным и уступчивым.

Он говорил серьезно, а ей хотелось то ли смеяться, то ли плакать. Самообладание покидало ее, и она собирала все свои силы, чтобы успокоиться. Ей нужна ясная голова, чтобы найти выход из этого кошмара.

О боже, во что она вляпалась?

Черт побери, в конце концов, не она во всем виновата. Кто решил отдать ее Макнейру? Кто нашел ей такого мужа? С рыданиями покидая родной дом и отправляясь к жениху, Бренна пригрозила что-нибудь сделать. Теперь отец наверняка решит, что она выполнила свое обещание.

– Если отец станет меня осуждать за брак с вами, вы должны ему все объяснить. Не я подстроила это. Обещайте сказать ему правду.

Он промолчал. Бренна знала, он слышал каждое ее слово – она говорила громко, а не шептала себе под нос.

– Дайте обещание, – потребовала она.

Он посадил ее на лошадь, и, хотя ей следовало поблагодарить его за заботу, она не проронила ни слова.

Бренна схватила его руку, едва он убрал ее с ее талии.

– Так вы обещаете мне? – повторила она.

– Вряд ли тебе когда-нибудь доведется увидеть свою семью. Поэтому твои переживания напрасны.

Он не сомневался в разумности высказанного довода.

А Бренна решила, что он намеренно груб с ней. Глаза ее наполнились слезами при мысли, что никогда больше она не увидит свою семью.

Она оттолкнула его руку.

– Нет, я увижу своих родных. Не можете же вы ожидать... Да куда же вы? Неужели ваша мама никогда вам не говорила, что невежливо отворачиваться и уходить, когда с вами разговаривают?

Коннор не верил своим ушам. Она его критикует? Никто никогда раньше не говорил с ним откровенно неодобрительным тоном. А чтобы женщина могла так вести себя с ним – это вообще было за пределами его понимания!

Видит бог, он не знал, как ему реагировать. Будь она мужчиной, он бы не сомневался, как поступить. Но она не мужчина. И Коннор смутился. Бренна несколько не была похожа на знакомых дам. Большинство из них его избегали, а те, кто посмелее, вели себя с ним смиренно и осторожно.

Коннор удивлялся собственной реакции на Бренну. Ему все время хотелось улыбнуться, даже когда она злилась на него. Честно говоря, таких девушек он еще не встречал. Казалось, она совсем не боится его. И хотя ее странное поведение не было ему неприятно, он понимал, что было бы ошибкой позволить ей думать, будто она имеет право вести себя с ним так вызывающе. Нельзя разрешить ей с самого первого дня быть такой дерзкой. Он ее хозяин, и она должна понять, что это значит. Ничего, она поймет, и очень скоро.

Коннор положил руку ей на бедро и заглянул в глаза:

– Ты пока ничего не понимаешь. Только поэтому я стараюсь быть с тобой терпеливым.

– А чего такого я не понимаю?

– Своего положения в моем доме. Но скоро поймешь, как высоко ты должна ценить великую честь, которую я оказал тебе, взяв в жены.

Глаза Бренны потемнели и стали фиолетово-синими. Боже, какая она хорошенькая, когда сердится!

– Я? – спросила она.

– Да, ты.

Она положила свою руку на его и стиснула. Пожатие было далеко не нежным.

– Может, тебе лучше осчастливить кого-то другого, кто в состоянии оценить столь великую честь? – предложила она.

Коннор не обратил внимания на ее слова и продолжил:

– Пока ты не научишься ценить дар, который я преподношу тебе, я хотел бы, чтобы ты высказывала свое мнение, только когда тебя просят. Я не собираюсь терпеть наглость. Так что обещай.

Она отмахнулась от его слов, они несколько ее не испугали. В конце концов, женщина может многое вынести, но для Бренны, кажется, наступил предел. Пожалуй, пора прийти в себя от этого кошмара.

– И что же, я не вправе высказывать свое мнение? – поинтересовалась она.

– Нет, в присутствии сопровождающих меня людей не можешь, – уточнил он. – Но наедине – пожалуйста, если захочешь.

– Я хочу домой.

– Это невозможно.

Она тяжело вздохнула.

Отправиться домой – значит, встретиться с отцом. И пока кто-нибудь не расскажет ему правду о случившемся, честно говоря, она бы не хотела его увидеть.

– Хорошо, я пообещаю это тебе, но лишь после того, как ты пообещаешь мне объяснить все моему отцу.

– Я никогда не стану тебе подчиняться.

– А я никогда – тебе.

Он пропустил мимо ушей ее полное ярости обещание.

– Однако из-за того, что ты так боишься меня и своего будущего, я решил сделать одно исключение. Если я когда-нибудь увижу твоего отца, так и быть, я все ему объясню.

Но Бренне захотелось кое-что уточнить.

– Но только не рассказывай ему о моих детских предложениях. Я, конечно, была ребенком, но отец все равно не сможет этого понять.

– Хорошо.

Лицо ее осветилось улыбкой.

– Спасибо.

Он намеренно задержал взгляд на ее руке – испытывая чувство благодарности, сама того не замечая, Бренна гладила его руку.

Он не смог удержаться, чтобы не поддразнить ее:

– Не очень благоразумно с твоей стороны демонстрировать свою любовь ко мне на глазах солдат-англичан.

Она тут же отдернула руку.

– Ничего подобного! Ничего я не демонстрирую!

– Ну нет уж, что было, то было.

Он всегда любил оставить за собой последнее слово.

Она успела заметить улыбку на его лице в тот момент, когда он собрался отойти от нее.

Интересное у него чувство юмора. Неужели все обитатели Горной Шотландии такие же чудные, как этот? Бренна искренне надеялась, что нет. Как же ей жить среди них?

Боже! Похоже, она уже размышляет о будущей жизни с этим дикарем! Что с ней творится? Вместо того чтобы думать, как от него вырваться, она мечтает с ним поладить!

Бренна нахмурила брови. Она была в замешательстве. С одной стороны, она чувствовала облегчение и искреннюю благодарность за то, что он пообещал поговорить с отцом, но в то же время она сомневалась, сдержит ли он свое слово.

Только одним можно объяснить ее странное поведение, решила Бренна, – наверняка она сошла с ума.

«Он, видимо, запугал меня, как и Беатрис», – подумала она.

О господи, Беатрис!.. Она совсем забыла о служанке. Бедняжка, должно быть, до сих пор дрожит от страха где-нибудь в кустах.

Бренна слезла с лошади и побежала к солдатам отца. Они стояли и молча нацепляли на себя оружие. Никто не осмелился взглянуть на нее, никто не отозвался, когда она их окликнула. Бренна подошла ближе.

Куинлен заступил ей дорогу. Он не касался ее, он просто стоял на пути, и она не могла сделать вперед ни шагу. Другие горцы тоже подались вперед, образовав заслон между нею и людьми ее отца.

Со стороны это выглядело так, будто они собираются защищать ее от ее же собственного эскорта. Какая нелепость, подумала Бренна. Дело в другом – они просто неотесанные грубияны, эти дикари.

– Я хочу поговорить с солдатами своего отца.

Куинлен покачал головой:

– Вашему хозяину это не понравится.

Нет, он ей не хозяин, она англичанка. Но Бренна понимала: если она начнет спорить, то никогда не получит того, что хочет. Ей нужно найти подход к этим дикарям, а не злить их.

– Вряд ли ваш хозяин будет против. Мне нужна всего одна минута. Обещаю.

Нехотя Куинлен уступил. Он отошел, заложил руки за спину и сказал:

– Можно говорить с ними отсюда.

Времени терять было нельзя.

– Гарольд, не забудь, пожалуйста, о Беатрис. Она прячется где-то у ручья. Я буду благодарна, если ты заберешь ее домой.

Не глядя на хозяйку, Гарольд кивнул.

– И скажи родителям, пусть не беспокоятся.

Гарольд что-то промямлил, она не расслышала что и хотела подойти поближе, но Куинлен вытянул перед ней руки, удерживая на прежнем месте. Она хмуро взглянула на горца, давая понять, что думает о его неучтивом поведении, а потом снова обратилась к Гарольду.

– Что ты сказал? Повтори громче, – попросила она.

Наконец солдат осмелился взглянуть на нее:

– Теперь ваш отец начнет войну, вот что я сказал.

Бренна похолодела.

– Нет, он не должен начинать из-за меня войну. Заставь его понять это, Гарольд. Объясни ему.

Бренна умолкла, услышав в своем голосе панику. Потом глубоко вдохнула и прошептала:

– Я не хочу, чтобы кто-то дрался из-за меня. Скажи отцу, что я сама хотела этого брака. Сама попросила горца приехать за мной.

– Но вы собирались выйти замуж за Макнейра? – изумился сбитый с толку Гарольд.

– Нет, нет, я никогда не хотела выходить замуж за Макнейра. Я хотела...

Боже милостивый, в таком возбуждении Бренна не могла вспомнить имя лэрда...

– Я хотела... – Она в панике посмотрела на Куинлена. – Как зовут вашего лэрда? – прошептала она.

– Коннор Макалистер.

– Макалистер! – крикнула она. – Я хотела выйти замуж за Макалистера! Пожалуйста, напомни отцу, он встречался с моим будущим мужем давно, очень давно.

– Пора идти, миледи, – окликнул Куинлен.

Он обратил внимание, что Коннор наблюдает за ними с края поляны. Похоже, лэрду не нравилась сцена, которая здесь происходила.

– Еще одна, последняя просьба! – взмолилась она и, не давая Куинлену возразить, продолжала: – Гарольд, скажи отцу, чтобы он не приезжал за мной. И пусть он отпразднует мою...

– Вашу – что, миледи?

Слова застряли у нее в горле.

– Мою... радость. Мое счастье.

Она побежала к своей лошади и уже вскочила в седло, когда Коннор подъехал к ней. Он сидел на огромном черном жеребце, не менее свирепом на вид, чем хозяин.

Она допустила ошибку, посмотрев на Коннора. Под его грозным взглядом Бренна уронила поводья. Она быстро опустила голову, делая вид, будто пытается поудобнее сесть в седле, и тем самым не позволяя ему догадаться о своих истинных чувствах в данный момент.

Коннору не понравилось, что на него не обращают внимания. Она действительно хочет заставить его поверить, будто пытается защитить его от отцовского гнева? Эта мысль была ему оскорбительна и смешна.

Он подъехал на своем жеребце так близко, что его нога прижалась к ноге Бренны. А потом он потребовал от нее полного внимания к себе – взял ее за подбородок и заставил посмотреть прямо в лицо.

– Почему?

Она знала, о чем он спрашивает, и не притворялась, что не понимает вопроса.

– Потому что война означает смерть, – ответила она.

Он пожал плечами.

– Да, для некоторых мужчин, – согласился он.

– Даже если один мужчина погибнет, уже много, – объяснила она. – Я не хочу стать причиной резни. У отца большая армия, и если он явится за мной, это будет просто ужасно. Он захочет сам возглавить войско, а я не могу не беспокоиться, что вы можете...

– Я могу что?

– Убить его.

Коннор остался доволен ответом.

Бренна поняла, что хитрость ее удалась. Она заметила его гордость и самонадеянность и решила использовать оба недостатка в своих интересах, дав ему понять, что неколебимо верит в его искусство на поле боя. Бесспорно, он в превосходной физической форме. Коннор Макалистер моложе отца, мощнее, сильнее. Но отец мог выиграть числом солдат. Произошло бы дикое побоище, и, вполне возможно, Коннор Макалистер в этом бою закончил бы свои дни.

А зачем она солгала Гарольду? Видит бог, она и сама не знает. Бренна вздохнула. Да, как только отцу передадут ее слова, он впадет в ярость. Он даже не попытается усомниться, подумав как следует и понять, что она никак не могла спланировать подобный трюк. Не хватило бы ни смелости, ни времени.

Значит, отец наверняка обвинит во всем ее и отвернется, откажется от нее как от дочери. Зато он останется жив. И будет ненавидеть ее. Но никто не умрет.

– Я понимаю, – сказала Бренна, – мои собственные желания не имеют никакого значения. Но должна сообщить, лэрд Макнейр посылает мне навстречу своих людей. Я уверена, они убьют многих ваших. Они могут появиться здесь в любой момент.

– Нет. Никто из людей Макнейра не появится.

Голос Коннора звучал уверенно. Спорить с ним трудно, очень трудно. Бренна настолько устала и так затосковала по дому, что едва сдерживала слезы.

Но жалеть себя у нее не было времени.

Через минуту они покинули поляну. Во все время долгого пути никто не заговаривал с Бренной до позднего вечера. Она ехала на своей Джилли между двумя воинами с каменными лицами, даже не смотревшими на нее. Ее покладистой кобыле тоже не нравилась близость посторонних. Она фыркала и то и дело вздергивала голову.

Коннор так далеко ускакал вперед, что его уже не было видно.

Конечно, беседа могла бы скрасить тягостное путешествие, но ни у кого не обнаружилось намерения развлекать Бренну. Понаблюдав за спутниками, девушка заметила, что они напряженно вглядываются в гущу леса, и поняла, насколько велика опасность со стороны врагов.

В конце концов Бренна призналась себе, что бдительность ее стражей действовала на нее успокаивающе. Сама она мысленно возносила молитвы к небесам, прося за бедные потерянные души, без сомнения, обреченные на пребывание в аду. Но если честно, Бренна сомневалась, пойдут ли ее молитвы дикарям на пользу, и продолжала молиться только потому, что таковы были правила, которым наставляла ее мать.

Она уже устала сидеть в седле, кобыла Джилли выбилась из сил. Понятно, что она терпит испытания во искупление своих грехов, но за что страдает бедное животное? Дорога пошла

круто вверх по холму, лошадь, не привыкшая к таким трудным условиям, едва переставляла ноги.

Бренна не знала, кого попросить остановиться. Конечно, ее выбор пал бы на Коннора, но его рядом не было. Она собралась громко позвать его, но передумала – он далеко и не услышит.

И потом, кричать сейчас было бы слишком опасно – ведь они на территории врага.

Бренна вдруг поймала себя на странной мысли: а есть ли у Коннора друзья?

Поразмышляв немного, она решила – вряд ли. И в этом виноват только он один. У Коннора Макалистера есть что-то общее с раненым медведем.

Это сравнение вызвало у Бренны улыбку. Но она тут же вспомнила про бедняжку Джилли и решила поделиться своим беспокойством с Куинленом. Она легонько тронула его за рукав.

Куинлен вздрогнул, будто от укола, отдернул руку и хмуро посмотрел на нее. Прежде чем она успела прошептать ему о том, что ее тревожило, он приложил палец к губам, призывая ее молчать. Тогда, не произнося ни слова, Бренна показала ему на Джилли.

Воин и сам был не слепой. Он видел, какая у нее взмыленная и замученная лошадь.

Но казалось, Куинлен не придавал значения беспокойству Бренны, он пустил своего коня в галоп и унесся вперед. Девушка смотрела вслед всаднику, пока тот не исчез за деревьями.

Едва Куинлен оставил свою позицию, другой воин немедленно занял его место.

Они продолжали свой путь. Бренна выбивалась из сил. Она надеялась, что Куинлен поехал к Коннору, чтобы прислать его к ней, но оба исчезли будто навек. Она закрыла глаза и минуту-другую не открывала их, а когда вновь подняла ресницы, увидела Коннора. Он ехал рядом.

Не говоря ни слова, Коннор пересадил ее на своего коня. От усталости у нее не было сил оттолкнуть дикаря, и, засыпая, Бренна успела подумать – ни в коем случае нельзя прижиматься к нему или опираться на него...

Но все вышло по-другому. Во сне она еще немного поерзала, устраиваясь поудобнее, потом обхватила Коннора за шею и прильнула к его груди. От него исходило живое тепло, оно перетекало в нее, согревая сильнее дюжины толстых шерстяных одеял. Это было просто удивительное ощущение.

Бренна разбудила в Конноре страсть. Он видел перед собой ее нежный полуоткрытый рот, чувствовал теплое дыхание на щеке.

Очнувшись от короткого сна, Бренна обнаружила, что сидит, тесно прижавшись к Коннору. Возмущение боролось в ней с чувством смутения. Слава богу, она вспомнила про Джилли, и это помогло ей справиться со смущением. Сколько еще протянет лошадь и не упадет?

Бренна попыталась оттолкнуться от Коннора и потребовать остановиться, пока ее лошадь не повредила себе что-нибудь, но он решительно обнял ее рукой за талию и заставил оставаться в прежней позе.

Она ущипнула его, желая привлечь к себе внимание, но в ответ Коннор крепче стиснул ее, приказывая молчать и сидеть тихо, и Бренна не сомневалась, что если бы заглянула ему в лицо, то увидела бы, что он хмурится. Чего еще можно от него ждать?

Однако Бренна ошибалась. Коннор улыбался, ему нравилась ее смелость. Он понимал, что пугает девушку. Он видел по ее глазам – Бренна нервничает. Но все равно осмелилась ущипнуть его! Какая противоречивая женщина! Если она боится его, то почему пытается спровоцировать? Он обязательно ее спросит, когда голова освободится от мыслей про дела поважнее.

Бренна уже собралась заорать как сумасшедшая, но вовремя спохватилась и тем самым спаслась от позора, потому что именно в этот момент Коннор наконец велел всем остановиться на ночевку. Бренна так обрадовалась, что забыла отругать его за то, что он замучил бедняжку Джилли. Теперь изнеженной кобыле понадобится неделя, не меньше, чтобы прийти в себя.

Он спешился первым, повернулся к ней, желая помочь спуститься на землю, и как раз вовремя – она уже скатывалась сама, и он поймал ее на лету.

– Вы ездите без седел?

– Никто из нас ими не пользуется.

Бренна старательно обошла Коннора и побежала к Джилли. Каждый шаг отдавался такой сильной болью во всем теле, что девушка готова была кричать. А каково Джилли? Она заметила, что ее лошадь расседлана, и была благодарна тому, кто постарался прийти на помощь бедному животному.

Коннор не позволил ей самой заняться Джилли, поручив это Оуэну, воину со шрамом на лице и с улыбкой, которая сейчас казалась ей чуть ли не очаровательной.

Бренна извела его указаниями, что делать с кобылой, потом долго благодарила за помощь, а когда он повел Джилли под густую крону деревьев, провожала свою любимицу взглядом, как обеспокоенная мамаша.

Лошадь подчинялась, а это, Бренна знала, не к добру. Верно, Джилли задумала что-то недоброе. Ей уже не раз удавалось увильнуть от скребка, и Бренна крикнула, предупредив Оуэна о вредном нраве Джилли. Потом пошла искать свои вещи.

Узкую долину, выбранную Коннором для отдыха, со всех сторон окружал густой лес. Земля и деревья были по-весеннему окрашены в коричневато-зеленые тона, среди которых кое-где были заметны вкрапления лиловых цветов, недавно проснувшихся от зимней спячки. Мощные золотисто-зеленые ветви аркой нависали над головой. Потoki угасающего света пробивались сквозь деревья, но они позволяли заметить лишь тропу, ведущую к озеру, которое, как объяснил Куинлен, лежало с южной стороны поляны.

Бренне захотелось уединиться и привести себя в порядок.

Через десять минут Коннор решил, что она достаточно времени провела в одиночестве, и отправился к ней. Он застал ее стоящей на коленях перед мешком с вещами. Она копалась в них, бормоча что-то себе под нос. Вокруг в беспорядке была разбросана одежда.

Бренна не отдавала себе отчета в том, что делает. В голове у нее сидела одна-единственная мысль: как ей отсюда выбраться? Слава богу, у нее еще есть время, чтобы что-то придумать. И она придумает, непременно.

Коннор навис над ней, ожидая, когда она обратит на него внимание.

Но через несколько минут ему надоело, и он подал ей вышитое полотенце:

– Может, ты его ищешь?

– Да, спасибо, – рассеянно ответила Бренна. – Наверное, я только что уронила его, иначе сразу нашла бы. Я вообще-то очень наблюдательная.

Коннор не стал спорить. Полотенце, впрочем, как и голубую ленту, он подобрал еще у ручья. Ленту он не отдал, решив оставить ее у себя как напоминание или доказательство того, что у него теперь есть жена. А то, не дай бог, еще забудет об этом.

– Умойся, Бренна, у тебя весь рот в краске.

Она с такой поспешностью выпрямилась, что чуть не опрокинулась назад.

– Я не крашусь. – Она пришла в ужас от его замечания. Только женщины, путь которых устремлен в ад, способны на языческие поступки.

– Да это моя краска.

– Но как она могла... А, вспомнила, ты хитростью заставил меня сказать: «Женись на мне», – а потом поцеловал без разрешения.

– Да, – согласился Коннор, хотя то прикосновение к ее губам едва ли он мог назвать поцелуем. Так, что-то символическое, ритуальное, не более того. – Давай поторапливайся, священник ждет нас.

Бренна не могла поверить своим ушам. Она проворно вскочила на ноги.

– Прямо сейчас? Священник ждет нас сейчас? А чего ради он ждет?

Коннор смутился – она вела себя так, будто начисто забыла обо всем случившемся.

– Да чтобы покончить с нашим делом.

Казалось, она по-прежнему его не понимает.

– Каким делом?

– Ну не могла же ты так быстро забыть? – раздраженно проговорил он. – Мы женимся.

Мы с тобой женимся. Вспомнила?

– Как, сейчас? Ты хочешь жениться на мне прямо сейчас?

Она запустила пальцы в волосы, потом заломила руки. Боже милостивый, она поняла, что кричит на него, но остановиться не могла. Коннор смотрел на нее холодно и спокойно. Наверное, он выжил из ума, не унималась она, если считает, что она может выйти за него замуж прямо сейчас.

– А чего ты ожидала?

Бренна была настолько потрясена, что не сразу нашлась с ответом:

– Я? Ну хотя бы что ты дашь мне время!

– Время для чего?

«Да чтобы вырваться из этого кошмара!» – хотелось крикнуть ей.

– Время, чтобы ты... э-э... привез меня к себе домой. Да, именно этого я ожидала. Мне нужно время, чтобы подготовиться к свадьбе.

– Ну значит, я уберегу тебя от лишних волнений. Потом сама будешь благодарить меня.

– И время, чтобы ты образумился! – выпалила Бренна.

– А я прекрасно понимаю, что делаю.

Внезапно Бренна почувствовала легкое головокружение и поняла, что впервые в жизни готова упасть в обморок. Она повернулась, пошла к самому краю озера и села на берегу. Закрыв глаза, она пыталась что-то придумать, а мир кружился вокруг нее.

Да, нужно срочно что-то придумать. Хоть что-нибудь. Ее охватила такая дикая паника, что разум больше не подчинялся ей.

Она должна пойти поздороваться со священником. Да, она обязательно поздоровается с ним. И поговорит. Она скажет, как счастлива разделить с ним ужин. Что ночью надо хорошенько отдохнуть, выспаться, а утром он может выдать ее замуж хоть за медведя. Она будет настаивать, умолять подождать месяц, или два, или десять, ведь святость брака – серьезное дело, в конце концов; ну а если Коннор и тогда не поймет своей ошибки, что ж, она начнет готовить подвенечное платье.

Но Коннор быстро вышел из терпения. Что она сейчас-то делает? Видит бог, мужчина способен ждать долго, но ее сопротивление начинает надоедать. Он решил, что пора все дела и саму Бренну брать в свои руки. Он взял у нее полотенце, намочил в озере, опустил перед Бренной на корточки и, прежде чем она вскочила, взял сильной рукой за подбородок и стал тереть ей лицо.

Он вовсе не был ласковым. Лицо Бренны пылало, когда Коннор закончил эту процедуру; правда, он не понял, отчего оно горело огнем – оттого, что он слишком грубо обращался с нежной девичьей кожей, или Бренна просто покраснела от смущения.

– Давай скорее, – велел он, потом поднял ее на ноги и поволок за собой.

– Теперь я все поняла. Я уже труп, да? Я умерла от страха, увидев тебя, а теперь в аду страдаю за свои грехи. О господи, неужели я была такая плохая? А?

Коннор не обращал внимания на ее тирады, изо всех сил стараясь скрыть улыбку.

Боже, она такая чувствительная! Но не плачет. А если расплачется во время церемонии, священник решит, что ее принудили к браку. Разумеется, принудили, но ему не хотелось, чтобы отец Синклер узнал об этом. И еще одно – Коннор не выносил женских слез. Он начинал нервничать, и, если бы ему представился выбор, он предпочел бы злую жену, а не плаксивую.

Но у Бренны не было настроения плакать. Напротив, она сейчас с удовольствием убила бы кого-нибудь. И в первую очередь Коннора. Какой же грех обрек ее на подобный брак? Что совершила она в своей жизни такого, чтобы оказаться столь сурово наказанной?

Ее свадьба... На уроках шитья Бренна мечтала, как это будет происходить. Вот она стоит в красивом подвенечном платье в отцовской церкви, окруженная родными и друзьями... А что ждет ее теперь? Горстка неотесанных солдат и священник, который вряд ли успел завершить обучение – уж слишком он молод. Только гордость удерживала Бренну от яростной сцены.

Она шла рядом с Коннором к священнику под пристальными взглядами синелицых воинов. Остановившись возле святого отца, она приподняла подол и присела в вежливом реверансе.

– Что же, приступим? – немного нервно посмотрев на Коннора, спросил священник.

– Прямо сейчас? – вскрикнула Бренна.

Коннор шумно вздохнул:

– Ты перестанешь твердить одно и то же?

– А почему не сейчас? – поинтересовался сконфуженный священник. Он снова обратил свой взгляд на Коннора и неодобрительно нахмурил брови. – Должен сказать вам, лэрд, мне не доставляет удовольствия видеть вас в боевой раскраске во время совершения таинства. Мне предстоит дать отчет вышестоящим лицам. А также Алеку Кинкейду. Что же мне им сказать?

– Говорите что хотите, святой отец. Мой брат, по крайней мере, все поймет.

Священник кивнул:

– Очень хорошо. Миледи, вы явились сюда по собственной воле? Вы согласны выйти замуж за лэрда Коннора Макалистера?

Пока Бренна обдумывала ответ, все пристально наблюдали за ней. Она дала слово, помощи ей Господь, и солдаты отца живы, а значит, Коннор выполнил свою часть сделки. Теперь ее очередь.

Священника вовсе не беспокоило смущение невесты. Он привык к тому, что невесты всегда нервничают. Несмотря на то что он был посвящен в сан совсем недавно, он успел сочетать браком уже немало пар и прекрасно знал – ничего другого ждать не приходится.

– Священник ждет ответа, Бренна, – напомнил Коннор с угрозой в голосе.

– Да, девушка, он ждет! – выпалил Куинлен, желая подбодрить и успокоить невесту.

В конце концов Бренна решила подчиниться неизбежному.

– Да, отец мой, конечно. Но...

– Вы должны четко отвечать на вопрос, миледи. Церковь требует, чтобы я услышал ваше согласие выйти замуж за Коннора Макалистера по своей воле.

– Что, сейчас?

– Бренна, клянусь, если я снова услышу этот вопрос... – начал было Коннор.

Бренну охватила паника, но она решила осуществить свой маленький план, который только что придумала.

– Отец мой, мы ведь еще как следует не знакомы. Я даже не знаю вашего имени. А сперва стоит узнать, правда? Я думала, мы вечером все вместе поужинаем. Узнаем получше друг друга, потом вы как следует отдохнете, а завтра мы пойдем в вашу церковь, а если у вас еще нет церкви – поищем какую-нибудь другую. Потом вы меня подготовите к этому радостному таинству. И я... – Вдруг Бренна осеклась. – Боевая раскраска, отец мой? Вы ведь так сказали? Значит, Коннор Макалистер нанес боевую раскраску по случаю бракосочетания со мной?

Она не собиралась кричать на священника. Но ее терпение окончательно иссякло. Больше она не могла вынести. Ей стало все равно, кто жив, кто мертв. Пусть даже ей самой предстоит умереть. Самое важное для нее сейчас – его боевая раскраска.

Она обратила свой гнев на Коннора. Глаза Бренны наполнились слезами ярости.

– Не хочу!

Священник открыл рот. Он еще никогда не слышал, чтобы кто-то позволил себе таким тоном говорить с лэрдом Макалистером. Ну разве что Алек Кинкейд. Тот разговаривал с ним как хотел. И вот теперь эта хрупкая женщина отваживается так открыто выступить против. Поразительно смело с ее стороны! Вряд ли кому доведется стать свидетелем подобной сцены. Надо запомнить каждое слово, каждую деталь, чтобы потом рассказать эту историю друзьям.

Коннор собирался именем Бога унять будущую супругу, но перед слезами он не мог устоять. Почему его боевая раскраска так подействовала на нее, он не знал. Но то, что именно она разволновала Бренну, было очевидно. Коннор понимал: никакая церемония не удастся, если он не сумеет уломать эту женщину.

Боже, ну и штучка!

– Бренна, не поднимай на меня голос, – спокойно попросил он.

Если в его голосе и слышалась угроза, то едва заметная.

– Нельзя с таким лицом стоять перед святым отцом и перед Богом!

Она тоже говорила с угрозой, и более явной, чем он. Коннор самому себе не желал признаться, но на него произвел впечатление ее тон.

– Я хочу поскорее завершить дело.

Она вырвалась от него и скрестила руки на груди.

– Мы подождем.

– Если ты думаешь...

– Я ни о чем больше не прошу тебя.

К черту все! Кажется, она сейчас расплчется. Неужели эта женщина не понимает, что должна стать его женой? Что ей оказывают честь, а не объявляют смертный приговор? Но похоже, невеста и впрямь этого не понимала. Что ж, кому-то из них надо проявить благоразумие, и он решил взять на себя эту задачу.

– Моя боевая раскраска действительно так важна для тебя?

Бренна не могла поверить, что такой вопрос вообще можно задавать.

Каждому известно, что бракосочетание – это таинство и явиться на него в боевой раскраске – значит, нанести оскорбление Богу, церкви, священнику и ей, невесте.

– Да, для меня это очень важно.

– Тогда ладно. Но я подчиняюсь твоему требованию в последний раз. – Немного помедлив, Коннор остановил пристальный взгляд на своих соратниках и дождался, пока все они не закивали в знак согласия. Только тогда он снова повернулся к своей строптивой невесте: – Я вполне ясно выразился?

– Да, ясно. Я это очень ценю.

Бренну внезапно охватило желание расхохотаться, но она сумела сохранить серьезное лицо, наблюдая, как Коннор, ворча что-то себе под нос, направляется к озеру. Она позволила себе улыбнуться, когда он вошел под сень деревьев. В первый раз за очень долгое время она не испытывала страха за свое будущее. Впрочем, Бренна тут же напомнила себе, что должна держаться осторожнее, пока не обретет способность мыслить более трезво. Но судя по тому, что Коннор начинает понемногу уступать, он не такой уж безнадежный дикарь. Конечно, это еще не повод, чтобы выйти за него замуж, но... она уже решила связать с этим мужчиной всю свою жизнь. В общем-то она всегда была способна на отчаянные поступки. Вот и теперь она сделает все, что сможет, ей достаточно ухватиться даже за тонкую ниточку надежды.

Она стояла с улыбкой на лице, пока не вспомнила о синеличных язычниках, сопровождавших жениха.

Прежде чем повернуться к ним, она негодуя нахмурилась:

– Вы знали, что вам предстоит присутствовать на бракосочетании?

Ничего больше ей не пришлось добавлять. Куинлен и все остальные склонились перед ней в поклоне и тут же поспешили вдогонку за своим лэрдом.

Они не сопротивлялись, как Коннор, а просто подчинились ей. Бренна не смела в это поверить и пошла за ними, только чтобы убедиться, не передумают ли они в последний миг. Они все выстроились на берегу, о чем-то переговариваясь друг с другом.

Она глубоко задумалась и не сразу сообразила, что, перед тем как войти в воду, мужчинам надо раздеться. Признаться, она была слишком поглощена торжеством своей маленькой победы.

Первыми на землю полетели ремни. Бренна замерла и закрыла глаза, но недостаточно быстро, потому как успела увидеть голые мужские задницы, прежде чем они исчезли в озере.

Раздался взрыв хохота. Бренна ничуть не смутилась, хотя не сомневалась, что ее присутствие всеми замечено и смеялись сейчас над ней.

Сзади к ней подошел священник:

– Мы еще не познакомились как следует, миледи. Меня зовут отец Кевин Синклер. Сын Ангуса Синклера из Недерхиллса.

– Рада познакомиться с вами, святой отец. Я – Бренна. Мой отец – барон Хейнсуорт. Я, правда, сомневаюсь, что вы о нем слышали. Я из Англии.

– Я уже догадался.

– Видимо, по одежде и разговору, да?

– Именно так, – с улыбкой подтвердил он.

И эта улыбка, и даже его провинциальный акцент показались Бренне в эту минуту необыкновенно милыми. Священник излучал такую удивительную доброту, что впервые за долгое время на сердце у нее потеплело.

– Я должен сделать вам комплимент, леди Бренна. Для начинающей вы замечательно владеете нашим языком.

– Но я, отец мой, изучала гэльский несколько лет.

Заикаясь, он принялся извиняться:

– О, простите меня! Я намеревался похвалить вас, а не обидеть.

– Я ничуть не обиделась, просто удивилась, – поспешила она успокоить отца Синклера.

Он снова улыбнулся:

– А вы знаете, что вы смешиваете языки, когда сердитесь?

– Понятия не имела. Когда вы успели заметить?

– Да когда вы разозлились на боевую раскраску. Я тоже рассердился, но не настолько. И когда набросились на Коннора... Должен сказать, это произвело на меня впечатление. И на него тоже, готов поручиться. Не думаю, что кто-то раньше осмеливался говорить с ним настолько страстно и яростно. Это надо было видеть, уверяю вас.

– Конечно, мне не стоило так вести себя, это недостойно леди, я понимаю, но я не совладала с собой. Я виновата, святой отец. Если бы у нас было время, я бы попросила вас исповедать меня перед святым таинством брака.

– Я был бы счастлив найти для вас время, миледи.

– А есть поблизости церковь?

– Даже несколько. Но мы можем соблюсти все необходимые правила и вне пределов храма, если на исповеди не будем видеть лица друг друга. Это возможно и здесь.

Священник, готовясь принимать исповедь, уже надевал епитрахиль. Украшенная кисточками длинная полоска ткани легла ему на плечи. Когда они подошли к поляне, отец Синклер заправил свободные концы епитрахили за веревочный пояс, которым была подпоясана его коричневатая сутана, и стал озираться в поисках подходящего места.

Наконец он заметил толстый пень, уселся на него и велел девушке встать рядом на колени.

Бренна склонила голову и закрыла глаза. Он устремил свой взор вдаль, через поляну, размашисто перекрестил ее и разрешил начать.

Она быстро перечислила свои проступки. Кажется, не забыла ни одного. Закончив, Бренна принялась задавать вопросы отцу Синклеру, желая оттянуть неизбежное.

– А это грех, что я страшусь будущего? Я ведь совсем не знаю Коннора. Он пугает меня, отец мой. Или я совсем глупая?

Священник ни за что не признался бы, что Коннор и его самого пугает. Он не мог сказать всей правды не потому, что стыдился ее: подобное чувство, как ему было известно, Коннор внушал многим. Но он считал своим долгом утешить девушку, а не испугать ее.

– Я тоже не слишком хорошо его знаю. Но я слышал о нем достаточно и могу сказать, что характер у него не из легких. Дональд Макалистер, его отец, умер, когда Коннор был очень юн. Его воспитанием и обучением занимался Алек Кинкейд, и с тех пор эти двое считают себя братьями.

– Я уверена, мне понравится его брат, – прошептала Бренна, надеясь, что с Божьей помощью именно так и случится.

Священник, правда, думал иначе. Он скорее предположил бы, что девушка придет в ужас при первой же встрече с Кинкейдом, но, господи помилуй, лучше ей сейчас не знать об этом. Поэтому он постарался быть осторожнее в выражениях.

– Я никогда не чувствовал необходимости следить за своими словами в его присутствии или на всякий случай держаться от него подальше. Прожитые годы научили Кинкейда выслушивать, прежде чем действовать. По крайней мере мне так рассказывали. И меня он не пугает так...

– Как Коннор?

– Послушайте, дочь моя, не пытайтесь за меня договаривать. Я наблюдал, как самые разные люди относятся к Коннору, и понял, что с ним надо быть поосторожнее. Не забывайте, что Господь всегда следит за вами. Нам порой трудно понять его волю, это не в нашей власти.

Если все это отец Синклер говорил для ее успокоения, почему Бренне так хотелось плакать?

– Я буду совершенно одинока, отец мой, – прошептала она.

– Одинока? Нет, Господь никогда не оставит тебя. Да и я буду поблизости. Я служу у лэрда Кинкейда с тех пор, как его духовник умер три месяца назад. Так что, если я вам понадобится, вы всегда можете послать за мной, миледи.

От слов отца Синклера Бренне стало немного легче, и она поспешила заверить его, что с удовольствием примет его дружбу и рада будет воспользоваться его советами.

Коннор и его люди, удалившись на небольшое расстояние, пристально наблюдали за ними. В ожидании предстоящего необыкновенного события Куинлен ходил взад-вперед, а Коннор с сердитым лицом стоял возле дерева, скрестив руки на груди.

– Похоже, они не скоро закончат, – заметил Куинлен. – Неплохо бы поесть, а? Трудный был денек.

– Нет, будем ждать, сколько бы ни понадобилось времени. Видит бог, мое терпение на исходе. Ну не может же человек иметь столько грехов? И черт побори, не так уж долго она прожила на свете.

– А не исповедуется ли она в некоторых твоих грехах? – ухмыльнулся Куинлен. – Если я прав, то нам придется ждать не меньше месяца.

Довольный своей шуткой, он громко расхохотался. На лице отца Синклера выразилось неодобрение.

– Лэрд, а нет ли у вашей дамы сердца задней мысли? – предположил Оуэн. – Может, она специально тянет время?

Куинлен закатил глаза к небу.

– Да, конечно, тянет!

Через несколько минут Синклер закончил. Он уже готов был дать Бренне полное отпущение грехов, когда она удержала его.

– Могу я задать вам последний вопрос? – Она сцепила перед собой руки, ожидая ответа.

Синклер заметил ее волнение и поспешил успокоить:

– У тебя столько времени, сколько тебе требуется. Я не спешу.

– Они наблюдают за нами, да? Я, конечно, зажмурилась, как вы велели, но я чувствую, что Коннор недоволен. Я права?

– Ну почему? Он почти не обращает на нас внимания, – уклончиво ответил священник.

Бренна облегченно выдохнула:

– Я буду стараться делать все как можно лучше. Я решила быть хорошей женой. Спасибо, отец мой, за ваши наставления. Я благодарна вам за время, которое вы мне уделите. Вот теперь я закончила.

Отец Синклер снова засунул концы епитрахили за пояс и наконец поднялся. Он повернулся к Бренне, желая помочь ей встать, но зря беспокоился. Коннор уже оказался рядом с невестой и одним рывком поставил ее на ноги.

– А лэрд не хотел бы исповедаться в своих грехах?

– Нет!

Его ответ прозвучал так резко, что отец Синклер вздрогнул и почел за благо отойти подальше, якобы торопясь поздороваться с другими.

Коннору было плевать, резко он ответил или нет. Он не спускал глаз с Бренны, ожидая, когда она на него посмотрит. Он решил, что пора внушить ей большее уважение к себе, и, видит бог, он так бы и сделал, если бы вдруг Бренна не уставилась на него с выражением глубокого удивления на лице.

– Коннор, а ты вовсе не такой уж некрасивый.

– А мне обязательно это знать?

– Да нет, не обязательно, но я просто захотела тебе сказать. Ну ладно, не важно, красивый ты или нет, я все равно выхожу за тебя замуж. А если я обещаю, то слово всегда держу. Но я хочу, чтобы и ты мне кое-что пообещал.

– Нет.

Ее глаза округлились от неожиданности.

– Но ты даже не знаешь, о чем я собиралась попросить. Как ты можешь говорить «нет»?

– Священник ждет.

Бренна заставила себя набраться терпения, потому что вопрос, который она собиралась ему задать, сейчас был для нее важнее всего.

– Как только священник благословит наш союз, ты объяснишь мне, почему решил жениться именно на мне?

Коннор не нашел ничего дурного в ее вопросе, хотя ему показалось странным, почему ее это интересует.

– Хорошо, – согласился он. – А ты и дальше собираешься оставаться такой упрямой?

– А разве я упрямая? Что-то я этого за собой не замечала.

На всякий случай она поспешила сменить тему разговора, прежде чем он еще что-нибудь выскажет по ее поводу.

– Спасибо, что ты разрешил мне исповедаться отцу Синклеру. Мы оба благодарны тебе за терпение.

Коннор удивился ее благодарности.

– Наши священники – самые уважаемые люди в Горной Шотландии. Я бы не осмелился прервать его, даже если бы захотел.

Она заметила, что отец Синклер машет им, и взяла Коннора за руку.

– Святой отец хотел бы начать. Ты готов? Должна признаться, я очень волнуюсь, – добавила шепотом Бренна.

– Зря, сейчас начнем – и сразу успокоишься.

– Правда? – спросила она, думая, как ей отважиться на такой подвиг.

– Конечно, потому что поймешь в конце концов, что со мной лучше. Ни одна женщина в здравом уме не захотела бы выйти замуж за эту свинью Макнейра.

Он говорил так уверенно, что она решила поверить, к тому же у нее не было другого выбора. Бренна хотела бы сама ощутить подобную уверенность, у нее даже возникло желание прислониться к нему и позаимствовать часть его силы. Но она удержалась, подумав, что тем самым проявит перед ним свою слабость, а этого она не хотела. Нет-нет, она просто волнуется. Вот и все.

Как только Бренна заметила, что все смотрят на нее, она заставила себя улыбнуться и расправила плечи.

– Надеюсь, я не перепутаю слова клятвы. У меня не было времени подумать, что сказать тебе, и я...

– Нет, больше мы не можем ждать. Ты все сделаешь как надо.

– Но я...

Услышав волнение в ее голосе, Коннор решил ее подбодрить:

– Все кончится так быстро, что ты не успеешь оглянуться.

Бренна догадалась, что он имел в виду церемонию, и не стала его поправлять. Она, конечно, беспокоилась, что напутает что-нибудь в клятве, но знала: нужные слова, так или иначе, она скажет. Ее больше волновало будущее. Все так бесповоротно! Она совсем не знает Коннора. Хотя, напомнила она себе, Макнейра тоже. Разве будущее с ним беспокоило бы ее меньше?

Бренна уставилась перед собой и с минуту стояла неподвижно, снова и снова пытаясь представить себе возможные последствия того, на что собиралась пойти.

Наконец она решилась во всем положиться на милость Божью.

– Теперь пути назад нет, Коннор Макалистер.

Он кивнул, услышав убежденность в голосе Бренны и поняв, что она приняла окончательное решение.

– Действительно нет.

Она шагала впереди Коннора, высоко подняв голову, всем своим видом выказывая желание пойти до конца.

– Вот видишь, все очень просто.

Да, было бы просто, если бы желаемое совпадало с действительным. Он вообразил, что она наконец вняла доводам разума и намерена подчиниться ему.

Но Коннор даже не подозревал, насколько он ошибался.

Глава 4

Просто с этой женщиной ничего не получалось. В конце концов они, конечно, поженились, но церемония, казалось, длилась целую вечность. И виновата в этом, естественно, была невеста. Она пребывала в полном смятении, пока священник нараспев перечислял все достоинства, которыми обладает святое таинство брака. Во все продолжение этой душеспасительной речи Бренна не могла стоять спокойно. Коннор призывал себя к выдержке, пытаясь не злиться и не раздражаться, хотя голова у него пошла кругом. Как, впрочем, и у остальных. Два воина, почти готовые потерять равновесие, вынуждены были закрыть глаза, чтобы не упасть. Через некоторое время и Синклер тоже впал в предобморочное состояние: он и не подозревал, какую совершает ошибку, стараясь угодить невесте.

А начиналось все действительно просто. Когда священник попросил пару встать рядом и повернуться к нему лицом, Бренна поспешила подчиниться. Казалось, она во всем была готова к послушанию, и Коннор решил, что она с таким же нетерпением, как и он, ждет конца этой церемонии.

Ему следовало бы быть проницательнее.

– Лэрд, а что, если твои люди встанут у тебя за спиной полукругом? Тогда все они смогут быть свидетелями этого радостного события, – предложила она Коннору.

– Ну вот, они встали, – сказал он, когда воины выполнили ее просьбу. – Леди Бренна, вы готовы наконец начать?

Она повернулась к священнику, и ответ ее был обращен к нему:

– Да, отец мой.

Священник улыбнулся.

– Ты вся сияешь, дочь моя, – прошептал он.

Он не мог не похвалить ее, чтобы подбодрить, но тут же заметил недовольство на лицах мужчин и вспомнил, что горцы не любят, когда их женщинам уделяют внимание другие мужчины. Отец Синклер слишком поздно понял, что это относится и к мужчинам в сутанах.

Священник поспешил исправить свою оплошность:

– Ваша невеста, лэрд, поняла наконец, как ей повезло, и теперь просто сияет от счастья. Я только хотел это отметить.

Коннор не понимал, почему священник так разволновался. Он кивнул, успокаивая отца Синклера и побуждая его приступить к исполнению своих обязанностей и благословить их союз.

Синклер откашлялся, осенил их крестом и заговорил об обязанностях мужа и жены.

Бренна казалась спокойной и сначала стояла неподвижно, опустив руки по бокам. Коннор быстро утомился слушать священника, она же ловила каждое его слово. Когда Бренна начала переминаться с ноги на ногу, Коннор подумал, что ей стало скучно, как и ему. Поэтому он и не придавал особого значения тому, что она потихоньку начала ломать себе руки, а ведь это должно было насторожить его, так как не предвещало ничего хорошего.

– Леди Бренна, пожалуйста, повернитесь к лэрду, когда станете произносить клятву.

Она подчинилась без колебаний, но Коннор заметил выражение паники в ее глазах, обращенных к нему. В ее лице не было ни кровинки, и ему оставалось только молить Бога, чтобы она не упала в обморок, пока священник не закончит обряд.

Он ждал, когда Бренна начнет говорить, но молчание ее все длилось и длилось, и тогда он решил начать сам. Он быстро произнес слова краткого обета, пообещав защищать и уважать жену.

Мужчины одобрительно хмыкнули.

Чтобы произнести свои несколько слов, ему понадобилась всего пара минут. Но на Бренну у них ушел весь остаток вечера.

– Теперь твоя очередь, – сказал священник все еще молчавшей Бренне. – Ты должна произнести клятву, иначе я вынужден буду думать, что ты собираешься изменить свое намерение. Это возможно?

Она яростно затрясла головой:

– Нет, я собираюсь выйти за него замуж, святой отец. Я просто подыскиваю нужные слова. Очень важно, чтобы я все сказала правильно.

Это были последние членораздельные слова из всего, что она говорила после. А говорила она еще много и долго. Очень долго. Она принялась расхаживать взад и вперед, с волнением обдумывая каждое свое слово. Несколько раз она обошла вокруг священника, но потом круги, которые она описывала, постепенно стали расширяться, пока внутри не оказались все стоявшие на поляне. Никому даже не пришлось ломать себе голову, чтобы догадаться, о чем она думает, потому что все свои мысли она произносила вслух. Коннор видел, что она сама едва ли замечает, что делает. В какой-то момент он даже ощутил легкое головокружение и тогда перестал следить за ней взглядом. А она все ходила и ходила вокруг них, пока совершенно не закружила отца Синклера, который поворачивался вслед за ней, поскольку она желала, чтобы он был как можно внимательнее к ее словам. Она обещала уважать и почитать Коннора так же, как и он обещал ей, но в отличие от него Бренна старалась растолковать во всех подробностях клятвы, которые дает.

Было ясно, что она не остановится, пока не закончит, и Коннор даже не пытался вмешаться. Он расслабился, сложил руки на груди и закрыл глаза. Сначала священник думал, что лэрд скучает. Но всякий раз, бросая на него взгляд, отец Синклер видел улыбку у него на лице. Судя по всему, Коннор развлекался, слушая бормотание невесты.

Наконец Бренна остановилась. Коннор открыл глаза и, честное слово, чуть не расхохотался. Его кроткая невеста стояла рядом со священником очень довольная собой.

Синклер ухватился за ее руку, чтобы не упасть. Но даже когда головокружение у него прошло, он не отнял руки, желая удержать Бренну на месте, если ей вдруг взбредет в голову продолжить свою вечернюю прогулку по поляне.

– Так вы закончили, дочь моя? – спросил он.

– Да, святой отец.

Синклер смущенно посмотрел на лэрда:

– Ну как, будем считать, что она произнесла клятву?

– Вы, святой отец, хотите, чтобы я повторила? – спросила Бренна.

Все, кроме Коннора, так громко завопили «нет!», что девушка испугалась. Округлив глаза, она в смятении попятилась.

Но только священник испытал потребность извиниться.

– О, простите, дорогая леди, что я так возвысил голос! Сам не знаю, что на меня нашло. Я уверен, ваш лэрд ответит на мой вопрос.

Коннор, не давая ей времени опомниться, остановил на ней твердый взгляд и сам подвел итоги.

– Она будет уважать меня, защищать, подчиняться, но только в том случае, если решит, что я действую разумно. Очень сомневаюсь, что такой день когда-нибудь наступит, – хмыкнул Коннор, – ну да ладно. А еще она обещает постараться полюбить меня до того, как поседеет, а я должен зарубить себе на носу, что она согласна меня уважать, если я буду вести себя достойно. И да поможет мне Господь! Я ничего не пропустил, Бренна?

– Нет, Коннор, ты изложил мои мысли лучше меня самой.

Отец Синклер вытер со лба пот, настолько трудной оказалась задача поженить эту пару. Ему еще предстояло решить нелегкий вопрос: как ему благословить их, если невеста стоит

у него за спиной, а жених – перед ним? Наконец он нашел выход, описав руками в воздухе широкую дугу и надеясь, что благодать распространится на обоих.

– Ну все, вы теперь муж и жена, – объявил он.

Он подождал, пока смолкнут радостные вопли присутствующих, прежде чем предложил лэрду поцеловать невесту. Теперь он с интересом поглядывал, кто из них к кому подойдет. Вообще-то новобрачная обязана была встать рядом с мужем, но она выглядела настолько ошеломленной, что отец Синклер усомнился, вспомнит ли она об этом.

И тут Бренна удивила его. Она, казалось, в одно мгновение пришла в себя и тут же поспешила к Коннору Макалистеру.

Священник почувствовал такое облегчение, оттого что наконец это испытание закончилось и лэрд не рассердился и тем не оскорбил нежные чувства девушки, что от радости добавил еще одно благословение и перекрестил их.

Коннор наклонился, готовый, как и положено, поцеловать молодую жену, и крепко обхватил ее талию на случай, если она вдруг захочет уклониться.

Но она не сопротивлялась, напротив, она обвила руками шею Коннора и потянулась к нему. Лицо ее светилось такой радостью, что при взгляде на нее ему пришло в голову, что так, должно быть, улыбаются ангелы. Значит, Бренна счастлива?

Коннор посмотрел ей в глаза, пытаясь понять причину столь резкой перемены.

Жена готова была напомнить мужу, что он должен сделать, но его губы уже коснулись ее губ. Она почувствовала тепло мимолетного прикосновения, но он тут же поднял голову и объявил своим людям, что они могут начинать ужин.

Поцелуй неожиданно понравился Бренне, ей захотелось еще, и, поскольку Коннор не отпускал ее, она надеялась, что и он испытывает то же желание.

Но она ошиблась. Он продолжал держать жену совсем по другой причине.

– Ну, остальное совсем просто. Так ведь, Бренна?

Она не была уверена, что поняла, о чем он спросил ее, но согласилась, желая его обрадовать.

– Да, конечно. Я буду хорошей женой, Коннор.

Взглянув на него, Бренна подумала, что он ей не верит, но ничуть не обиделась. Со временем Коннор поймет, как ему повезло с женой.

– И больше не будет никаких сложностей. Так?

– Конечно, никаких, – согласилась Бренна. – А ты постараешься стать хорошим мужем?

В ответ он пожал плечами. Бренна восприняла его жест как обещание и почла за лучшее немедленно поблагодарить его за это.

– Что теперь? – спросила она.

– Ты хочешь есть?

– Да.

– Тогда пойдем.

Наконец он отпустил ее. Она выразила свою признательность отцу Синклеру и пригласила его отужинать с ними, но священник отказался, сославшись на то, что, пока луна еще достаточно яркая, он должен успеть добраться до дома.

Бренна, как ни пыталась, не могла побороть чувства, что ее покидает хороший друг. Прощаясь, она старалась сохранять на своем лице улыбку, осыпала его благодарными словами и смотрела вслед, пока он не исчез в ночи.

Коннор не отходил от нее ни на шаг. Она повернулась к нему и только тогда обнаружила, что сама держит его за руку. Она тотчас отпустила его и пошла рядом с ним через поляну.

Их никто не ждал.

И это называется свадебный ужин! Горцы даже не догадались сесть, они стояли вокруг шершавого валуна и, смеясь и болтая, поглощали еду. Кто-то постелил грубую ткань на камень

– вот и все! Довольно мрачно для праздничной трапезы. Едва она подошла к ним, все умолкли. Повисло тягостное молчание. Никто из мужчин не смотрел на нее, отчего Бренне стало совсем неловко.

Она чувствовала себя как прокаженная. Как бы ей хотелось оказаться дома! Она представила семью, своих родных, собравшихся за длинным столом, и все улыбаются и шутят... На столе наверняка было бы голубиное мясо, рыба, а еще, может быть, и остатки тушеной баранины, ну и, уж конечно, пироги с ягодами.

Бренна поняла, что, если она продолжит вспоминать о тех, кого любит, она утонет в море жалости к себе. А ей надо думать о настоящем. Она очень хочет есть. И если сейчас упустит случай, то наверняка останется голодной до завтра.

К сожалению, выбор оказался невелик: засохший, жесткий сыр, черный хлеб и овсяные лепешки. Горцы даже не оставили ей места, и она едва втиснулась между Коннором и Куинленом. Муж не побеспокоился познакомить ее со всеми, а поскольку Бренна не знала, может ли сама спросить их имена, она просто молчала, как все. Она старалась сосредоточиться только на еде и не думать, как она несчастна.

Овсяные лепешки горчили. Бренна сморщила нос и глотнула побольше воды, чтобы избавиться от неприятного вкуса во рту. А потом, вспомнив, что будет неприлично положить назад надкушенный кусок или выбросить его – леди так себя не ведут, – она доела лепешку.

Она так нервничала, что потянулась еще за одной, прежде чем сообразила, что делает. Пришлось съесть и вторую, конечно, но на этот раз она ей больше понравилась, особенно когда после лепешки она положила в рот кусочек сладковатого хлеба.

Бренна не заметила, когда все закончили ужинать. Она уничтожила четыре большие порции еды, прежде чем утолила голод. Когда она подняла голову, чтобы посмотреть, что происходит вокруг, то встретила устремленные на нее взгляды мужчин.

Ее смутило их пристальное внимание... и то, что они улыбались.

– Что-нибудь не так?

Куинлен торопливо покачал головой:

– Может, вы хотите доесть остатки хлеба? Есть еще лепешка, последняя. Пожалуйста, миледи, на здоровье.

Бренна кивнула.

– Ну, если никто больше не хочет, – согласилась она.

Она взяла остатки хлеба и лепешку, переломила пополам то и другое и предложила Коннору. Он отказался – она предложила другим.

Остальные тоже отказались, продолжая внимательно следить за тем, как она ест. Ей совершенно не нравилось быть в центре такого пристального внимания. Им что, больше нечем заняться?

– Кого мне поблагодарить за ужин? – спросила Бренна, доев последний кусок.

Никто не ответил. Мужчины неопределенно пожали плечами.

Их ухмылки начали раздражать ее. Ей показалось, что все, кроме нее, играют в какую-то игру.

Она хотела сказать этим мужланам, что, черт побери, неприлично таращиться на нее, но тут же спохватилась. Она напонила себе, что за такие слова, как «черт побери», ей придется потом каяться и искупать свои грехи.

– Пожалуйста, объясните мне, почему вы улыбаетесь, – попросила она.

– Ты произвела впечатление на парней, – ответил Коннор.

– Как это я произвела впечатление? – спросила она, довольная, что Коннор наконец заговорил с ней.

Она расправила плечи в ожидании комплимента. Может, они заметили, как она вовремя к ним подошла, как ела наравне со всеми? Они наверняка оценили ее вежливую манеру держаться. Да, конечно, они обратили внимание на ее достойное поведение.

– Ты съела больше Куинлена. Да что там, ты съела больше, чем вся компания.

Такого ответа Бренна не ожидала! Сказать даме, что она ест больше солдата, – не комплимент, а оскорбление. Неужели он не понимает?

– Видимо, Куинлен и остальные не так уж проголодались, – начала она в свое оправдание. – И потом, разве можно следить за тем, сколько я ем... На это вообще нельзя обращать внимания.

Коннор улыбнулся. Боже, когда он улыбается, он становится таким симпатичным!

– А мы думаем, что можно.

Она почувствовала, как краснеет. Сперва Бренна хотела соврать и сказать, что она не обжора и не какая-то свинья, но потом решила быть честной. Ей еще не раз придется есть с этими дикарями, и если она сейчас их обманет, то потом они все равно заметят, сколько она ест на самом деле.

– Да обычно я ем гораздо больше.

– Неужели, миледи? – изумился один солдат. Он не поверил.

Она с упреком посмотрела на него, давая понять, что думает о его манерах.

– Откровенно говоря, да.

Куинлен расхохотался первым. А за ним – остальные.

Бренна смутилась еще больше и отчаянно пыталась придумать, как отвлечь их внимание от обсуждения ее аппетита.

Но никто не мог говорить ни о чем другом.

– Какой прекрасный весенний вечер! – попробовала Бренна переменить тему разговора. – Не так ли?

– А вы больше едите, когда нервничаете? – спросил Куинлен.

Что за странный вопрос!

– Нет, – ответила она.

Эти грубияны снова разразились хохотом. Она подождала, когда они успокоятся, и снова попробовала их отвлечь:

– Коннор, может, ты наконец познакомишь меня со своими людьми?

– Сейчас они сами представятся.

Она уже знала Оуэна и Куинлена, а теперь, когда она перевела взгляд на трех остальных, назвали и они.

Эден был самым тщедушным. Хотя, по английским меркам, он ничуть не мал, решила она. Другого, с большими карими глазами, как у оленя, звали Дональд.

Самым робким из людей Коннора был Джирик. Он едва осмелился посмотреть ей в глаза, называя свое имя.

– Я очень рада познакомиться с вами, – с церемонной любезностью объявила Бренна.

– А могу я задать вам один вопрос, миледи? – спросил Куинлен.

– Пожалуйста, – милостиво разрешила она.

– Когда вы нас в первый раз увидели, вы очень испугались, и мы до сих пор удивляемся почему.

– Вы думали, мы хотим вам сделать что-то плохое? – спросил Эден. Он улыбнулся, давая понять, какой забавной нелепостью было бы подобное предположение. – Вы еще тогда молились.

Она почувствовала себя несколько растерянной.

– Да, я молилась... И действительно думала, что вы собираетесь причинить мне зло.

– Но потом, миледи, – вступил Оуэн, – когда вы узнали, что ничего плохого мы вам не хотим, вы все равно нас боялись. Почему?

Они что, никогда не смотрели на себя в зеркало? Или у них не водится такой роскоши? Но Бренна решила, что сейчас ни к чему было бы говорить им прямо, на кого они похожи, и только молча пожала плечами.

Кажется, никто из них не собирался сменить тему.

– Может, это из-за боевой раскраски вы нас так испугались? – предположил Оуэн.

– Я и в самом деле не могу вам ответить! Я просто боюсь вас оскорбить.

Непонятно, почему ее чистосердечное признание снова заставило их расхохотаться. Тогда она решила прикинуться совсем уж простушкой.

– Ну что ж, так и быть, признаюсь, ваша раскраска меня тогда страшно напугала, – сказала Бренна, кивая головой для пущей убедительности. – И ваши мощные фигуры, ваши манеры, одежда, грозные лица, и то, как солдаты моего отца испугались вас, а ведь их было двенадцать, а не пять, как вас... Мне продолжать?

К ее ответу они отнеслись как к комплименту. И тут Бренна решила напрямую заявить им, что на самом деле не такое уж и жуткое они произвели на нее впечатление и что для настоящей английской леди, если она, конечно, в здравом уме, все это сущие пустяки, но в последний момент новая тревожная мысль промелькнула в ее голове и заставила немедленно обратиться к Коннору:

– Я не буду наносить, как вы, боевую раскраску, вы должны понять. Это дикость, Коннор, и ты не жди, что я...

Ее протестующую речь прервал мужской хохот.

Не смеялся только один Коннор. Он вообще мало смеялся, как и подобает мужчине. Но сейчас он улыбнулся. Сердце ее быстро забилося. У него были красивые белые зубы, как и у всех остальных. Она удивилась: зачем наносить на кожу такую отвратительную краску и при этом так заботиться о зубах? Да, они очень странные. Сможет ли она когда-нибудь понять этих людей и найти свое место среди них?

– Женщины не удостоиваются такой чести.

Она даже не поняла, о чем он говорит.

– Какой чести?

– Раскраски, – объяснил Коннор. – Это разрешено только воинам.

Похоже, Коннор не шутил, и Бренна не осмелилась засмеяться, что оказалось нелегко. У нее даже в горле запершило от усилий сдержаться, но она должна была оставаться вежливой.

– Миледи, а вы раньше никогда не видели горцев? Вы вообще-то что-нибудь знаете о нас? – шепотом спросил Джирик.

Он покраснел до корней волос и, оробев, утонул в землю.

– Когда я была маленькая, я уже все про вас знала. Знала даже, где вы живете.

– Ну и как вы думаете, где мы живем? – спросил Дональд, заранее улыбаясь, так как успел заметить веселые искорки в глазах госпожи.

– Да у меня под кроватью. Вы выходили оттуда только по ночам, когда я спала. Я всегда просыпалась от собственного крика и летела в спальню к родителям.

Она ожидала смеха, улыбок, но, к несчастью, никто не понял ее шутки. Трое из них смутились, а двое пришли в настоящий ужас.

– Вы решили нас оскорбить? – неуверенно спросил Оуэн.

– Да нет, я же шучу. Неужели вы не можете отличить, где шутка, а где нет?

Все покачали головой. Куинлен с огромным трудом пытался скрыть улыбку.

– Лэрд, похоже, твоя невеста видела тебя во сне много лет подряд, – протянул он.

– Вроде того, – согласился Коннор.

Бренна даже не пыталась теперь скрывать свое раздражение. Попытки завести с ними приличный разговор вызывали лишь головную боль, а желание быть вежливой разбивалось о стену непонимания.

– Коннор, можно мне уйти?

Она поклонилась мужчинам и тут же отошла от них. Она уже успела направиться к озеру со щеткой для волос, с одеждой и одеялом, когда Коннор повернулся и дал разрешение. Бренна подошла к соснам, остановилась и оглянулась.

– Куинлен?

– Да, миледи.

– Это были не сны. Это были ночные кошмары.

Едва она скрылась из виду, они разразились таким громким хохотом, который наверняка был слышен на другом берегу озера. Бренна отлично его слышала, но все равно не верила, что эти тугодумы поняли ее шутку.

Может, Коннор сказал своим людям что-то грубое и это их рассмешило? Что-нибудь про убийство или увечье. У них очень странное чувство юмора. Бренна сделала такой вывод, увидев улыбки на синих лицах, когда Коннор сказал, что не мешало бы убить английских солдат. А разве они не надулись, как мальчишки, узнав, что этого не случится?

И все же Бренну охватило чувство вины. Она понимала, что нельзя слишком строго судить Коннора. Разве он виноват, что родился дикарем и воспитывался как дикое животное? Конечно, нет. И потом – он ее муж. Она связана с ним на всю оставшуюся жизнь, до самой смерти. Она должна хотя бы попытаться полюбить его. Интересно, собирается ли он сегодня же затаскать ее в постель? Бренна старалась отмахнуться от такой пугающей мысли, едва она закрадывалась в голову. Но легко сказать, да трудно сделать. Боже, помоги ей! Невозможно представить себе, как Коннор прикоснется к ней. Ее начинало трясти от страха. Бренна понимала безрассудность и бессмысленность подобной реакции. Она взрослая женщина, не ребенок, и должна понимать, что ее ждет. Мать терпеливо ей объясняла, что все мужья укладывают жен к себе в постель сразу после свадебной церемонии. Правда, мать никогда не раскрывала дочери деталей, но главное Бренна себе представляла или по крайней мере думала, что представляет. Воображаемые подробности настолько ужасали ее, что она пыталась заставить себя думать о чем-то более возвышенном и не таком грязном.

И что толку беспокоиться? Если Коннор задумал взять ее сегодня в постель, может, Бог сжадется над ней и сделает так, что она проспит ужасное испытание?

Она даже засмеялась сама над собой, настолько уж нереальной была эта мысль, и принялась раздеваться.

Бренна бросилась в воду, которая оказалась ледяной, так что зубы у нее застучали от холода, но она стала быстро мыться.

Она уже собралась выйти на берег, как услышала чьи-то шаги. Бренна ринулась обратно в воду и погрузилась до подбородка, ожидая, кто появится.

Через минуту у кромки воды стоял Коннор. Он принес плед.

– Пора выходить.

– Останусь одна – тогда выйду.

– Почему?

Она не верила своим ушам. О чем он спрашивает?

– Потому что так надо.

– Ты замерзнешь до смерти. Выходи немедленно.

Резкий тон Коннора не предполагал возражений.

– Нет, не выйду! На мне ничего нет. Мне надо остаться одной.

Он сделал вид, что не обращает внимания на ее крик.

– Здесь никого нет, – сказал он.

– А ты? Не выйду, пока ты не уйдешь!

Да, невеста снова осмелилась на него кричать. Коннор зло затряс головой:

– Не смей повышать на меня голос!

По его тону было ясно – его терпение кончилось.

Бренна вспомнила про данную сегодня клятву ладить с ним и с надеждой подумала, что, если она сейчас ему уступит, он оплатит ей добром.

Губы ее онемели от холода, зубы выбивали дробь, и Бренна едва смогла произнести:

– Хорошо, я не буду кричать. Только уйди, пожалуйста.

– Нет.

Муж не понимал, как отвечать добром на добро. Что ж, придется объяснить ему позже. Не сейчас. От холода Бренна посинела, как старая слива. Она чувствовала, что если не выйдет на берег сейчас же, то совершенно окоченеет.

Собственная гордость убивала ее.

– Я не могу выйти.

– Да почему же? Неужели ты стесняешься?

Коннор, казалось, искренне удивился.

Бренна закрыла глаза, прося Бога ниспослать ей терпение, и ответила:

– Конечно, стесняюсь.

– Мы не должны стесняться друг друга. Хочешь, я к тебе приду?

– Я тогда сразу пойду ко дну.

Эта смешная угроза только вызвала у него улыбку.

– Может, тебе легче станет, если я тоже разденусь?

– Нет!

Она не поняла шутки Коннора. Честное слово, если бы она сейчас закричала на него, он бы подумал, что ему надо самому войти в воду и вытащить ее.

– Коннор, ну отвернись хотя бы, пока я оденусь.

Он так шумно вздохнул, что Бренна с головой ушла под воду.

– Какая же ты все-таки глупая!

Бренна не обратила на его слова никакого внимания. В конце концов, она получила то, что хотела. Он отвернулся. Она выскочила на берег, торопливо вытерлась и, боясь, что нетерпеливый муж повернется, не стала надевать белье, а сразу натянула через голову белую хлопчатобумажную рубашу.

Розовые ленточки, служившие завязками, тянулись вдоль разреза от шеи до самой талии. Пальцы ее так замерзли, что казалось, в них впились тысячи иголок, и поэтому, как она ни старалась, завязать все ленточки было трудно.

В какой-то момент Бренна бросила это занятие, решив, что толстое одеяние, брошенное поверх рубашки, прикроет ее обнаженную грудь. Но как дотянуться до туники? Она повесила ее на ветки, чтобы не испачкать, и теперь ее никак не достать, если не пройти мимо Коннора. Бренне ужасно не хотелось предстать перед ним полуодетой, так что пришлось просить мужа – не будет ли он так добр и не подаст ли ей тунику?

Он резко обернулся, и Бренна попятилась, отступая подальше от него. Но вдруг ноги ее заскользили по мокрому склону, еще секунда – и она бы шлепнулась лицом в грязь или опрокинулась в воду, но Коннор успел подхватить жену.

Не выгляди он таким раздраженным, Бренна поблагодарила бы его за спасение.

Она туго стянула на груди рубашку и сердито нахмурилась.

– Пойми наконец, Бренна, тебе нечего меня бояться, я обязан заботиться о тебе.

– А я не боюсь.

– Да ты же только что пятилась от меня. Значит, испугалась.

Она покачала головой. Ленточка, едва придерживавшая на макушке ее волосы, сбилась, упала в воду, и густые кудри рассыпались по плечам. Удовольствие захлестнуло Коннора – как она была хороша сейчас! Безусловно, его жена – самое возбуждающее создание, которое ему доводилось видеть. Мужчина мог утонуть в голубизне этих глаз и забыть обо всем на свете, любуясь чувственной грацией ее движений.

Черт побери, что с ним такое творится? Бренна не пыталась его очаровать, а он вел себя, будто только этим она и занималась. Его охватило раздражение. Нет, он, Коннор Макалистер, не позволит обезоружить себя. Черт побери, не слишком ли много от нее беспокойства?

Но какая же она соблазнительная! О чем он сейчас думает? Да только о том, чтобы целовать ее бесчисленное число раз, разглядывать поцелуями сердитое лицо, а потом заниматься с ней любовью до самого утра.

Она умерла бы от страха, если бы могла догадаться о его мыслях. Очень может быть, что Бренна сама не понимает, насколько она соблазнительна, как волнует его ее нагота. Она бы еще более негодующе нахмурилась, если бы поняла, что вот-вот может оказаться на расстеленном одеяле, – еще минута, и он не совладает с собой и швырнет ее наземь!

– Перестань мотать головой, – грубо бросил Коннор.

– Я только даю тебе понять, что несколько не испугалась. Просто я никак не ожидала, что ты повернешься ко мне. Твои манеры вообще оставляют желать много лучшего.

Коннор улыбнулся. От удивления глаза у нее округлились.

– Или хорошие манеры для тебя ничего не значат?

– Нет.

– Нет? Но ты должен понимать, как это важно.

– Почему?

– Почему? – озадаченно повторила она.

В голове у нее было пусто. Боже, помоги! Она не могла придумать ни одной веской причины и ответить на его вопрос. Он так тепло и нежно смотрел на нее, что она вообще забыла, о чем шла речь.

Бренна придвинулась к Коннору чуть ближе.

– Ты меня очень смущаешь, – прошептала она. – Но если я не хочу лишиться рассудка, я должна научиться понимать тебя. А ты, Коннор, должен постараться быть достоин моих усилий. – И тут же, будто ее осенила свежая мысль, Бренна добавила: – Ну, теперь ты можешь отпустить меня.

Ему не хотелось ее отпускать, и, привыкший подчиняться только своим желаниям, Коннор оставил ее просьбу без ответа. Его грубые мозолистые руки ощущали мягкую гладкую кожу, точно у ангела небесного, глаза не отрывались от бледно-золотистых волос, мерцавших в свете луны.

Как же другие мужчины прозевали такое сокровище?

– Скажи, за тобой ухаживал кто-нибудь из мужчин?

– Я была помолвлена с одним бароном, но он умер, когда я была еще ребенком. А так ни до, ни после этого я никогда не встречала мужчин. Отец не позволял им увиваться вокруг дочерей, особенно вокруг Рейчел, – объяснила она. – Она очень хорошенькая.

– А барон, с которым ты была помолвлена, погиб в бою?

– В постели.

– В постели?

– Это был трагический случай. Ничего смешного.

– Только англичанин может умереть в постели.

Бренна решила, что на такое глупое замечание отвечать не стоит.

– Ты наконец перестанешь сжимать мои руки?

Коннор подчинился.

– Ты все еще смущаешься?

– Немного.

– Я не хочу, чтобы ты меня стеснялась. Не хочу.

Бренна засмеялась было, но заметила, что он говорит совершенно серьезно.

– А ты сам чувствуешь, с какой злостью ты говоришь? – И, не дожидаясь ответа, добавила: – Становится холодно. Если ты меняпустишь, я закончу одеваться.

– А зачем? Мы сейчас же идем спать.

Ее охватила паника – но не от слов, а от его тона. Он говорил таким властным голосом, будто готов был кого-то убить. Бренна притворилась, что не поняла.

– Что? Вместе?

– Конечно.

– Сейчас?

Он уже начинал ненавидеть это слово.

– Да, сейчас.

– Но я еще не хочу.

– А я хочу.

– Коннор, да пойми же ты, мне страшно. Я не собираюсь оскорблять твои чувства, но буду откровенна с тобой. Ты же не захочешь... силой, без моего желания... А что это ты сейчас делаешь?

– Заворачиваю тебя в плед Макалестера. Ты перестанешь наконец отпрыгивать, стоит мне прикоснуться к тебе? Это чертовски раздражает. Подними волосы, они мне мешают.

– Я попросила бы оставить меня в покое.

– Ты испытываешь мое терпение.

Ну как он не понимает? Бренна попыталась еще раз объяснить с ним:

– Коннор, у меня нет никакого опыта.

Она не собиралась докладывать ему все подробности. Конечно, он слышит волнение в ее голосе, видит его в ее глазах, чувствует ее дрожь. Любой благородный, заботливый мужчина попытался бы успокоить ее.

– У меня есть опыт.

– И это все? – вскричала она. – Ты считаешь, мне спокойней от твоей опытности?

– А ты хочешь, чтобы я тебя успокаивал? – Казалось, одна эта мысль ужаснула Коннора.

Бренна чувствовала себя глубоко задетой. У нее едва не вырвался стон разочарования. Она заставила себя глубоко и медленно вздохнуть, пытаясь успокоиться.

Но это не помогало.

– Да, я очень хочу, чтобы ты успокоил и утешил меня.

Коннор боялся таких слов. Едва ли не впервые в жизни он растерялся. Никакая другая женщина никогда не обращалась к нему со столь странной просьбой.

Женщины всегда охотно шли к нему, с готовностью предлагали свое тело, и, если он был в настроении, он их принимал. Коннор старался доставить им удовольствие, как и они ему. Но девственниц он еще не знал, да он и не взял бы к себе в постель девственницу. Лишь теперь, вспомнив о прежних утехах, Коннор понял, что те женщины, которых он знал прежде, были весьма искушенными и умели ублажить любого мужчину. И конечно, все они обладали гораздо большим опытом, чем он сам.

Но эта нежная, трогательная девушка, стоящая перед ним сейчас, совсем не похожа на тех случайных подруг. Она – его жена, женщина, которая будет носить его имя, растить его детей. Он должен уважать ее, делать для нее все, что от него потребуется, а в эту минуту от него как раз и требовалось утешить, успокоить ее, помочь преодолеть страх. Но он ума не мог приложить, как это сделать.

Сколько он ни ломал голову, он так и не смог ничего придумать. Более того, никогда в жизни он не присматривался, как другие мужчины ладят с женщинами. Даже его брат Алек. Что же теперь ему делать? Не признаваться же Бренне в своей беспомощности? Вдруг она заплачет? Слез он не выносил, как и брат. Тот всегда уходил из зала, если его жена начинала всхлипывать, и возвращался, только когда ее глаза высохли и можно было спокойно говорить с ней.

Но он не собирался следовать примеру брата. Если он сейчас уйдет от Бренны, он не заполучит ее в постель. Черт побери! Наверняка она воспримет его шаг как отсрочку!

Похоже, есть только один выход из этого сложного положения. Придется помочь ей избавиться от ее глупых страхов, и не важно в конце концов, сколько времени на это уйдет.

И он, быть может, впервые вознес молитву о немислимом – о понимании.

– Хорошо. Я решил тебя успокоить.

– Правда? – Она с волнением посмотрела на него.

– Ну да, да. Только сперва объясни мне, что я должен делать. Начинай.

– Не время для шуток, Коннор.

– А я не шучу.

– Ты что, серьезно? Так это правда?

Его хмурое лицо было красноречивее любого ответа. Она поспешила успокоить Коннора.

– Ну конечно, ты говоришь правду. Ты – лэрд, ты никогда не лжешь.

– Так что же?

Бренна кивнула ему и не вымолвила ни слова.

– Бренна...

– Да я же думаю! – воскликнула она. – От твоего нетерпения и я нервничаю, пойми. Знаешь, очень трудно объяснить, что значит успокоить. Мне так не хочется все испортить.

Она снова умолкла, и ему показалось, что прошел целый час. Коннор не понимал, над чем она так долго размышляет. Он же не просил ее разгадать какую-то трудную загадку. Так почему она ведет себя так, будто он загадал ее? Ей-богу, он не знал, сколько еще сможет простоять рядом и не коснуться ее тела. Неужели она не видит, что творит с ним? Нет, конечно, не видит. Она занята мыслями об успокоении. Кажется, она вообще разучилась говорить и даже забыла, что так и не надела верхнее платье. Но он-то не забыл!

Бренна в задумчивости стояла, стягивая на груди рубашку, но в разрезе он видел мягкую округлость ее груди.

Какое мучение! Он не мог отвести от нее взгляда. Коннор понял, что, если сейчас не прикроет ее чем-нибудь, он потеряет над собой контроль. Ему хотелось провести пальцами по ее гладкой соблазнительной коже, очень-очень нежно, а потом сдернуть с нее тонкую, как воздух, рубашку.

И уж наверняка, черт побери, тогда она перестанет думать об успокоении.

Коннор быстро обернул Бренну пледом, накинув его длинный конец ей на плечи и спустив его ниже, на грудь, и потом завязал его на талии поясом из веревки. При этом он ладонью намеренно коснулся ее обнаженной кожи, и не один раз, а два, пока ее кутал, и дьявол его побери, если это прикосновение не поразило его, как удар грома!

Хотя он плотно завернул ее в плед, это не помогло; единственное, чего сейчас хотелось Коннору, – сорвать с Бренны и плед, и рубашку.

Но вместо этого он стоял и смотрел вдаль.

– Я так благодарна тебе, что ты думаешь об этом.

Он был озадачен ее словами.

– Благодарна?

– Да.

Он посмотрел на нее тяжелым взглядом:

– Ну и о чем, по-твоему, я думаю?

– Об успокоении.

Коннор не засмеялся. Она все равно не поймет, что его рассмешило. Может быть, когда-нибудь он ей об этом скажет...

– Ты мне так еще и не объяснила, чего хочешь.

– А когда ты был маленьким, неужели твоя мама...

– Она умерла.

– Мне очень жаль.

– Почему?

– Да потому, что она умерла. А отец? Разве он никогда не утешал тебя?

– Нет.

– Почему?

– Он умер. Вот почему.

– Коннор, ну неужели не было никого, к кому ты мог бы обратиться, когда был маленьким мальчиком?

Он пожал плечами:

– Мой брат Алек.

– А он тебя утешал?

– Нет, черт побери!

От одной этой мысли ему стало противно.

– И что, не было никого, кто бы заботился о тебе?

Он снова пожал плечами:

– Моя мачеха, Юфимия, но она не могла утешить ни меня, ни своего сына Раена, потому что внезапная смерть отца разрушила ее жизнь, она до сих пор его оплакивает. Она даже не может вернуться на мою землю – так сильно она страдает.

– Должно быть, она очень любила твоего отца.

– Конечно, любила, – нетерпеливо ответил он. – Ну и сколько должно длиться утешение?

Боже мой, ну как ответить на его вопрос?

– Да не думаю, что долго. Ну, знаешь, иногда муж может просто похлопать жену по плечу, проходя мимо и давая понять, что он заботится о ней. Мой отец, например, все время так делал. Правда, сейчас, когда я вспоминаю об этом, я должна признаться, что совсем не уверена, что именно так он утешал маму или проявлял к ней свои чувства.

Она изящно повела плечами. Оказалось, не так-то просто объяснить ему то, что она хотела. Бренна попыталась подыскать другой, более удачный пример.

– Может, другие мужья обнимают жен и...

– Тебе что больше нравится?

– Извини, пожалуйста, ты о чем?

Грубый тон, которым он повторил свой вопрос, должен был означать одно: а ну-ка давай поторапливайся.

– Лучше, чтобы я тебя обнял или похлопал по плечу?

Он безнадежен! Утешение должно исходить из глубины сердца Коннора, которое подсказало бы ему, что делать. Но ведь этому надо учиться годами, жить в заботливой семье, расти в любви и ласке, и она это знала. Если бы она так не боялась того, что должно было случиться с ней этой ночью, она бы смогла получше все объяснить ему.

Но сейчас Бренна с трудом вспомнила бы, как ее зовут.

– Понимаешь, это не искусство владения мечом. Здесь нужны искренность, непринужденность и... – Она остановилась, не зная, что сказать дальше.

– Ты сама понятия не имеешь, о чем говоришь.

Она вздохнула:

- Да, наверное.
- Все это давно уже перестало его забавлять.
- Так чего же тогда мы тут стоим?
- Никогда бы не подумала, что ты такой нетерпеливый. Ну что ты делаешь?
- Вытаскиваю твои волосы из-под пледа.
- Зачем?
- Я так хочу.
- А ты всегда делаешь, что хочешь, да?
- Если бы я всегда делал, что хочу, ты давно лежала бы на спине.

Она больше не пыталась отталкивать его руки. Зачем продолжать спорить с ним? Она же не могла запретить ему прикоснуться к ней – он вдвое больше и сильнее ее. Она собрала все остатки своей гордости, чтобы показать ему, как прекрасно она умеет владеть собой.

Коннор быстро поправил волосы Бренны, и руки его оказались на удивление нежными, когда прикоснулись к ее шее. Дрожь удовольствия пробежала по спине Бренны, настолько приятным было это прикосновение. Но еще приятнее и неожиданнее было для нее то, что он не стал на нее ворчать, а сам поправил то, что его раздражало.

В детстве ей постоянно твердили: то у нее одно не так, то другое не в порядке, без конца делали замечания, требовали исправляться. Она думала, что и с Коннором будет то же самое: он начнет ее пилить, читать ей нотации – словом, ее ожидает та же скука, что и с родителями, братьями и сестрами.

Коннор больше не собирался ждать. Он крепко взял ее за руку и повел к приготовленной им постели. Удивительно, но она не сопротивлялась.

- Я должна тебя предупредить, у меня редко бывает все в порядке! – вдруг выпалила она.
- Мне не важно, как ты выглядишь.
- Разве?
- Конечно.

Минуту-другую она обдумывала его слова, прежде чем поняла, что они возвращаются в лагерь.

- А куда мы идем?

Он снова услышал панику в ее голосе. Боже, как ему надоело терпеть это! Неужели все девственницы такие невозможные?

- Что мне сделать, чтобы унять твои смешные страхи?
- Мог бы начать с того, чтобы не кричать на меня. И они вовсе не смешные.
- Отвечай на мой вопрос!
- Ну, ты можешь... сказать что-нибудь приятное и обнадеживающее о...
- О первой брачной ночи?

Он мог бы дать хоть тысячу вариантов ответа, но все они отразили бы только его собственные чувства.

- Твоя неуверенность беспокоит меня.
- Во всяком случае, ты останешься жива.
- Что?! Я останусь жива?

Он улыбнулся, услышав в ее голосе гнев.

- Да тебе понравится. Возможно.

Она с недоверием посмотрела на Коннора, но продолжала идти дальше, а это было единственное, что его сейчас заботило.

- Это непристойно, да?
- Нет. Пристойно.

– Очень сомневаюсь, что мне понравится, – прошептала она, когда они подошли ближе к солдатам, укладывающимся на ночь. Ей не хотелось, чтобы ее услышали. – Но я действительно хочу детей.

– И как тогда ты собираешься их заиметь?

Она пропустила мимо ушей его саркастическое замечание и спросила:

– А ты хочешь детей?

– Конечно. А зачем, ты думаешь, я на тебе женился?

– Не знаю зачем. Ты обещал, кстати, объяснить, после того как нас объявят мужем и женой.

– Потом.

– Но любая женщина может родить тебе детей. А почему ты выбрал меня?

Молча они остановились посреди поляны, глядя друг другу в лицо. Бренна осмотрелась и увидела солдат, возившихся с одеялами, а в центре образованного ими круга пустую постель, накрытую пледом. Бренна пришла в ужас. Неужели он ждет, что она уляжется с ним прямо вот здесь, на глазах у всех? И внезапно она поняла, что именно так он и думал. Да боже, он действительно ничего не знает о женщинах!

Она, конечно, не могла тут же устроить ему сцену. Солдаты услышат, если она начнет вопить на их лэрда. Ее это только поставит в дурацкое положение, а он, конечно, разозлится. Так что же ей делать? Не может же она разрешить ему прикоснуться к ней в пяти шагах от мужчин, притворяющихся спящими? А с другой стороны – как остановить его? Коннор едва ли мог сейчас здраво мыслить. Он насупился, считая, видимо, что дал ей достаточно времени привыкнуть к обстановке. Да, Коннор пытался ее успокоить как мог, и Бренне только теперь пришло в голову, что вряд ли другой на его месте был бы настолько терпелив с ней.

Эта догадка заставила ее улыбнуться. Боже милостивый, он и впрямь ее успокоил! А она даже не поняла.

Она вздохнула. Ну, в конце концов ее муж не так уж и плох.

С ее стороны было бы ошибкой затеять с ним сейчас спор. Нет, она попытается быть дипломатичной. И если у нее хватит ума, он не догадается, что она все сделает по-своему.

Бренна потянулась к его руке, как раз когда он собирался разуться. Она наклонилась, подняла одеяло с земли и прошептала:

– Пожалуйста, пойдем со мной.

– Ну, что еще не так? – почти зарычал он.

– Именно невеста готовит брачное ложе. В Англии есть такой обычай.

Она опасалась, что он может не поверить ее лжи, и потому пошла прочь, прежде чем Коннор успел ее удержать. Она замерла на краю поляны, призывно, как она надеялась, улыбнулась через плечо и пошла дальше.

Коннор не двинулся. Он стоял, расставив ноги, уперев руки в бока, не отрываясь глядя на нее. Он видел только легкое покачивание бедер. Сосчитал до десяти. Закончив, он понял: или он должен дать этой невозможной женщине уйти, или догнать ее и со всей страстью заняться с ней любовью.

– Никогда не слышал о таком обычае!

Об этом заявил Куинлен. Солдаты сидели на земле, привалившись к стволам деревьев и скрестив руки на груди.

Коннор обрушил на них свой гнев:

– Если услышу еще хоть одно слово – клянусь, убью!

Куинлен не обратил внимания на его угрозу.

– А не думаешь ли ты, что тебе лучше лечь спать до того, как придет время вставать?

Коннор угрожающе шагнул к другу.

Куинлен выпрямился.

– Да она же хочет уединиться с тобой, Коннор. Вот почему она потащила отсюда одеяла.

– Вообще-то я и сам понимаю.

Конечно, он этого не понял, но не собирался признаваться в этом другу.

И, не сказав больше ни слова, он широкими шагами устремился за Бренной. Коннор догнал ее уже возле озера. Его не на шутку раздосадовало, что они сделали круг и вернулись на прежнее место.

– Ты собираешься постелить нам постель в Англии?

Глава 5

– Нет, вот тут, – ответила она.

Выбранное ею местечко оказалось очень укромным, между соснами. Он с трудом мог повернуться в такой тесноте, но ей здесь нравилось. Коннор решил – ладно, это последний раз, когда он разрешает ей сделать по-своему.

Стоя у нее за спиной, он разувался, пытаясь держать себя в руках.

Она начала стелить постель на земле, и он, помня, что из любой мухи она может сделать слона, ожидал, что на это у нее уйдет не меньше часа. Но ее быстрота удивила его.

Закончив, Бренна тоже разулась и встала лицом к нему. Потом придвинулась ближе, так что пальцы ее ног коснулись его, и закрыла глаза, сдерживая дыхание и ожидая, когда он дотронется до нее.

Но Коннор не шевелился. Чувствуя, что напряжение между ними нарастает, она заволновалась, заглянула в темные, непроницаемые глаза мужа, отыскивая в них первые признаки раздражения. Боже милостивый, она не могла вынести этого долгого молчания.

– Я подумала, что мне не стоит раздеваться.

Он медленно покачал головой.

– Ну, тогда я разденусь.

Он ждал. Она стала твердить себе, что если уж она дала слово, то должна сдержать его. Дрожащими руками Бренна развязала пояс на талии, и шерстяная ткань сама сползла на землю.

Прежде чем раздеться, она хотела было отойти в сторону с ярко освещенного луной места, под тень мощных ветвей – там сумрак ночи скрыл бы ее наготу. Но потом решила не трусить.

А не стоит ли ему сказать, что под рубашкой у нее ничего нет? Пожалуй, не стоит, он и сам поймет.

Сердце ее все еще бешено колотилось, но волнение понемногу отступало. Коннор не напал на нее, как она ожидала, и у Бренны появилась уверенность, что намеренно он не причинит ей боли. Она не знала, откуда у нее возникло такое чувство, но оно возникло. Странное дело, руки у нее тоже перестали трястись.

У нее было ощущение, что она сама отвечает за эту ночь.

Бренна очень серьезно посмотрела на мужа и медленно сняла с себя рубаху. Она не спускала с Коннора глаз, боясь увидеть на его лице малейший признак неудовольствия или отвращения, потому что считала свое тело несовершенным и его изъяны очень ее беспокоили – грудь была слишком большая, бедра слишком узкие, ноги слишком длинные. Он, конечно, сразу все это заметит и недовольно нахмурится, думала Бренна, готовясь закрыть глаза и умереть от стыда.

Коннор разглядывал ее. Его взгляд скользил по ней, задерживаясь на слегка раскрытых губах, полной груди, тонкой талии, светлых завитках внизу живота, длинных стройных ногах. У него прерывалось дыхание. Боже, он не ожидал увидеть такую красоту! Он был потрясен, потому что даже не предполагал, что такие женщины существуют. И если бы он был романтиком, то непременно подумал бы, что перед ним не англичанка, а сама богиня, спустившаяся с небес, дабы вознаградить его за то, что он сумел отомстить за своего отца.

Ему отчаянно хотелось заключить ее в объятия и овладеть ею. Но он не стал потворствовать требованиям своего тела и неподвижно стоял, как бы предоставляя ей возможность руководить им. Почему-то – он сам не понимал почему – Коннор решил, что сегодня все будет так, как захочет Бренна. Он пришел к этому неожиданному для самого себя заключению, когда, вместо того чтобы приказать ей поскорее раздеться, он покачал головой, давая понять, что она должна поступить как сама хочет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.